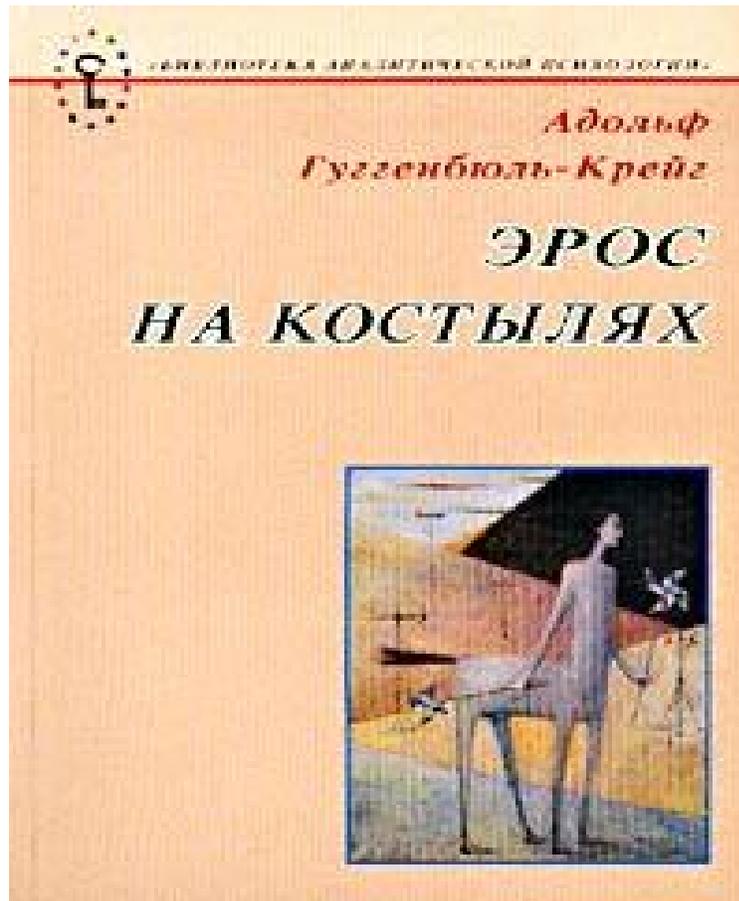

Адольф Гугенбюль-Крейг

"Эрос на костылях"

Адольф Гугенбюль-Крейг

Эрос на костылях

Eros on Crutches

Серия: Библиотека аналитической психологии

Издательство: Б&К, 2002 г.

Мягкая обложка, 126 стр.

ISBN 5-93414-074-4 Тираж: 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОЛНОЕ ЗДОРОВЬЕ И НЕИСЦЕЛЕННЫЙ ДАЙМОН

ГЛАВА ВТОРАЯ. АРХЕТИП ИНВАЛИДА

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЭРОС

**ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ИЗГОИ ОБЩЕСТВА, ПРАВОНАРУШИТЕЛИ И ИНВАЛИДЫ.
ЭРОСА (ПСИХОПАТЫ)**

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПСИХОПАТЫ В ЛИТЕРАТУРЕ

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРМИНА «ПСИХОПАТИЯ»

**ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ПУСТЫНИ ДУШИ – ПРОВАЛЫ И НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ**

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ЭРОС КАК ИНВАЛИД

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ОТСУТСТВИЕ НРАВСТВЕННОСТИ

**ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ОТСУТСТВИЕ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

**ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ФОНОВАЯ ПОДАВЛЕННОСТЬ И СТРАХ**

**ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
СЕКСУАЛЬНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПСИХОПАТОВ**

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ВТОРИЧНЫЕ СИМПТОМЫ ПСИХОПАТИИ

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ПСИХОПАТЫ И КОМПЕНСАЦИЯ

**ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
АГРЕССИВНОСТЬ, ТЕНЬ И ЭРОС. ЧУДО, СОСТОЯЩЕЕ В ТОМ, ЧТО ПСИХОПАТЫ НЕ
ПРАВЯТ МИРОМ**

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ОБРАЩЕНИЕ С ПСИХОПАТАМИ

**ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
В ПОХВАЛУ НРАВСТВЕННОСТИ И ХОРОШИМ МАНЕРАМ**

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

В своей новой книге уже известный российскому читателю автор исследует природу психопатии. Он вводит в психологический и клинический контекст такие понятия как эрос, этика, нравственность, религия, сексуальность, в свете которых и исследует психопатические проявления в личности современного человека. Книга предназначена не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В римско-католической мифологии существует образ, который всегда волновал меня; а именно: младенец, находящийся в самом неопределенном положении, некрещеный ребенок, который никогда не сможет попасть ни на Небеса, ни в Ад, ни в Чистилище. Этот младенец странствует туда и обратно всю вечность между Раем и Адом. Так как он не был крещен, то не может попасть в рай, а умерев при рождении, не имел возможности совершать грешные поступки, а потому не мог оказаться в аду. Образ младенца, пребывающего в неопределенном положении, не смог оставить равнодушными даже консервативных католиков, и потому о нем не упоминают в большинстве католических храмов. И все же в предлагаемой вниманию читателя книге рассматривается часть нашей (psyche) души, которую можно было бы представить некрещеным младенцем, находящимся в неопределенном положении; понятие «некрещеный» означает часть нашей души (psyche), к которой не прикоснулась сущность человеческой природы — ни эротика, ни нравственность, ни эстетическая дифференциация.

После выхода из печати моих книг обычно я получаю некое эхо — отзывы публики. Часто читатели сообщают, что некая книга помогла им или лучше понять самих себя, или способствовала им в брачной жизни, или оказалась полезной социальным работникам, терапевтам или еще кому-нибудь. Но после публикации *Eros on Crutches* («Эроса на костылях») не случилось ничего подобного. Не появилось ни одной рецензии, и сообщения, полученные мной от читателей, были примерно такими: «Ваша книга помогла мне лучше разглядеть моего партнера, осознать, до какой степени безнадежна его (или ее) личность». Кажется, ни один из них не применил содержимое книги к самому себе.

Мои тревоги в «Эросе на костылях» касаются не только «сегодняшнего» времени. Они даже не являются политически (или психологически) корректными. Сегодня корректным можно считать мнение о том, что все мы рождены с душой (psyche), содержащей каждую существующую возможность. В ней заложены все способности, за исключением тех случаев, когда имеет место генетический дефект или родовая травма, которые, разумеется, уменьшают психологические возможности души (psyche). Если на протяжении жизненной истории появляется некое пустое психологическое пространство, оно возникает только потому, что психологические возможности не смогли получить должного развития вследствие неблагоприятных обстоятельств, как например: скверных родителей, плохого окружения и т. д. Но быть столь дерзким, чтобы указывать на пустое пространство в своей собственной душе, даже провозглашать, что могут существовать человеческие существа, не обладающие в достаточной мере эросом или не имеющие его вообще, и что эти люди могут быть даже хорошо социально адаптированными, — такая дерзость уже чрезмерна для восприятия. Эрос, в значении любви вообще, — не только сексуальной любви, — обычно ассоциируется с нежностью, привлекательностью, великодушием, добротой, милосердием и т. п. Чем большим эросом кто-нибудь обладает, тем более располагающим и очаровательным он или она является, — таково преобладающее мнение. О том, что часто истинным может оказаться противоположное, что личность, не имеющая эроса, может быть очаровательной, и что присутствие эроса затрудняет жизнь людей, известно гораздо меньше. Эрос означает заботу, и если кто-то заботится о чем-то или о ком-то, чем бы то ни было, беспокоится, нервничает, в результате могут возникать невротические конфликты. Любящие личности редко оказываются хладнокровными и уравновешенными, но люди, страдающие от недостатка эроса, беззаботны и потому ни о чем не беспокоятся. Часто они бывают весьма уравновешенными и покладистыми. С людьми, испытывающими недостаток эроса, приятно проводить время, — за исключением тех случаев, когда эрос необходим. Бывает, что мужчина или женщина вступает в брак с приятным и очаровательным партнером — партнером, доставляющим удовольствие даже одним своим присутствием. Но затем, по мере того, как проходят годы, их дети вступают в пору отрочества, становятся трудными, даже непокорными, и, может быть, появляются финансовые проблемы, или над одним из партнеров нависает опасность потери работы, — тогда атмосфера изменяется. В это время возникает потребность в эросе, и в такой ситуации мягкость и очарование партнера не оказывают особой помощи. Внезапно

очаровательный, дружелюбный партнер со слабым эго отходит в сторону, отдаляется от себя самого — уж слишком многого требует от него теперь сильный эрос. «Не могу понять, что же случилось, — недоумевают друзья и соседи супружеской пары, — он (или она) всегда был таким очаровательным», — не осознавая при этом, что очарование было вызвано недостаточным эросом. Истинно эротическая личность, то есть любящая личность, может быть грудной в общении, напряженной и даже невротической; личность, которой недостает эроса, может быть очень уравновешенной, приятной, милой и неприхотливой в сексуальном смысле. Эрос усложняет жизнь; недостаток эроса может ее облегчить.

Но как же быть с этим пустым пространством в нашей душе? Как может кто-либо заинтересоваться в некоем пустом пространстве в нашей душе? Как может кого-то волновать вакуум? Природу характеризует некая *horror vacui* (боязнь пустоты); мы как часть природы всегда стараемся увильнуть от любого вакуума. Как бы то ни было, я думаю, что существующие неполноценности в нашей душе, даже пустые пространства, значимы для психологии. Важно то, что мы видим их в наших собратьях — человеческих существах — и реагируем на них адекватно, чтобы избежать одурачивания их очарованием, не отвергая, но принимая их во внимание. Но еще более важно видеть эти пустоты в нас самих и не одурачивать себя, отрицая их существование.

Наличие многих пустых или полупустых пространств в нашей душе не приводит к особенно трагическим последствиям. Не имеет значения, если кто-то имеет пробел в музыкальных познаниях или не может оценить хорошую пищу или вино, или не обладает чувством стиля. Но чем ближе наши пустые пространства подходят к эросу, тем более трагической становится ситуация. Именно там случаются наиболее ужасные, даже коллективные события. Например, *International Classification of Diseases* (Международный классификатор заболеваний), пользующийся наибольшим признанием в международных кругах диагностический психиатрический справочник, никогда не упоминает ни об эросе, ни об этике, ни о благопристойности. Так что же они означают для психиатрии или психологии на сегодняшний день?

Существует единственная успокоительная мысль: достаточно странно, но даже люди, имеющие множество психологических пробелов, будь они эротическими, нравственными и т. п., страстно стремятся к религии. Вопреки беспечному очарованию множества людей, характеризующихся недостатком эроса, их жизни отличаются трагическим свойством, печальным фоном, свойственным им, поскольку они чувствуют,

что им недостает чего-то такого, что хотя и осложняет их жизнь, в то же время придает ей особый смысл. В результате они стремятся к искуплению, к избавлению от собственной пустоты.

Майкл Фордхэм (1955), знаменитый английский психоаналитик, сказал, что анализ заканчивается, когда человек постигает патологическую сущность души. Я бы перефразировал эту мысль таким образом: ни один анализ не заканчивается до тех пор, пока мы четко не осознаем все свои пустые или полупустые пространства — наши внутренние пустыни. И эта мысль применима даже в большей степени к усилиям каждого познать самого себя, так как большинство попыток распознать и увидеть себя и других, стать сознательными, случаются с людьми, которые никогда и не слышали об анализе. Именно для них и написана эта книга.

Адольф Гуггенбуль-Крейг. Цюрих,

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОЛНОЕ ЗДОРОВЬЕ И НЕИСЦЕЛЕННЫЙ ДАЙМОН

В течение последних полутора лет авангард медицинской науки переживал один триумф за другим. Болезнь, ее жестокий противник, пытаюсь избежать полного истребления, крутилась и изворачивалась под ударами меча целителя. С другой стороны, врачи трудятся более усердно, чем когда-либо. Цены медицинских услуг взметнулись к астрономическим высотам, расходы на лечение приближаются к пятидесяти процентам национального бюджета. Каждая новая методика, каждый новый аппарат требуют все больше денег: оружие дорого, и войны — дорогостоящие мероприятия. «В чем дело?» — спрашиваем мы. — «Важно победить!» Мы ждем, затаив дыхание, этой давно обещанной победы.

Война против болезни протекает не столь гладко, как нам бы хотелось думать.

Напротив, солидная часть медицинских расходов не имеет ничего общего с эпическими сражениями, ведущими к славным победам. Прошло время великих генералов — Пастера, Эрлиха и Листера. Все больше и больше эти битвы напоминают мелкие «партизанские» стычки с неуловимым, коварным врагом, с раздражающим упорством появляющимся там, где его меньше всего ожидают. Статистика показывает, что от тридцати до шестидесяти процентов всех медицинских усилий сосредоточено вокруг психосоматических и невротических расстройств. Пациенты консультируются с врачами по поводу всех видов правдоподобных и невероятных жалоб: на боли в спине, головные боли, на давление в брюшной полости, на смутные ощущения дискомфорта,

утомляемость, бессонницу, потерю аппетита, переедание, кожные раздражения. Этот список даже не включает бесчисленные невротические недуги, такие как мании, наваждения, депрессии, беспокойство, сексуальные расстройства, комплексы неполноценности и т. п. Эти хронические, психосоматические, невротические расстройства поглощают много времени у врачей, психиатров и психотерапевтов. Существуют две причины происхождения этого явления во-первых, столь великое множество пациентов страдает от этих расстройств, и, во-вторых, их трудно, если вообще возможно, вылечить. Часто они подчиняются паттерну неустойчивого состояния, улучшение приводит только к ухудшению. Сегодня доктор чувствует, что болезнь находится под контролем, а завтра сталкивается с той же болью, с той же сыпью или утомлением пациента.

Целителям, врачам и психотерапевтам борьба с болезнью часто представляется похожей на бой с тенью. Они применяют все методы, как медицинские, так и психотерапевтические, имеющиеся в их распоряжении, не жалеют ни времени, ни денег, но притом редко добиваются успешных прорывов. Вот пример того, что я подразумеваю под этими словами. Ко мне направили женщину после того, как в течение восьми лет она лечилась от множественного склероза. Было доказано, что установленный диагноз оказался неверным. Я лечил ее психотерапевтическими методами еще пять лет. Несмотря на то, что она сотрудничала со мной, ее утомляемость, общая слабость и пассивность практически остаются и сегодня на прежнем уровне, такими же, как тринадцать лет тому назад.

В то время как все мы, терапевты, хотели бы лечить, не стоило бы нам остановиться и спросить самих себя, что означает «лечить»? Всемирная организация здравоохранения определяет «здоровье» как неослабленное умственное, физическое и социальное благополучие и функционирование. Нам предстоит еще долгий путь, прежде чем хотя бы половина человечества достигнет такого состояния. За это время большое количество терапевтов либо утратят свой начальный оптимизм и уступят меланхолии или цинизму, либо внушат себе веру в то, что они более успешны, чем оказывается в действительности.

Далее, ясно, что для излечения существуют конкретные пределы, хотя само слово предполагает иначе. Излечение, heal, имеет отношение к немецкому слову Ней, означающему «исцелять» (heal) или «целый» (whole). На северогерманском диалекте слово Ней употребляется в смысле «целый». Шведское слово hel— whole, как и славянское слово celyi — целый или «полный» (complete), принадлежит к тому же 20

словесному семейству. Другими словами, когда мы намерены «исцелить» своих пациентов, мы хотим, чтобы они стали «целыми». Нам хотелось бы, чтобы они развили свои возможности в каждом смысле этого слова. Но миллионы пациентов, особенно невротических и психосоматических, никогда в действительности не будут исцелены. Мы не можем сделать их «целыми» или помочь им стать таковыми. Вопреки всем нашим усилиям, профилактическому здравоохранению, специальным диетам, физическим упражнениям, гимнастике, бегу трусцой и почти бесконечному списку оздоровительных мер, многие пациенты никогда не станут «целыми». Наши усилия не останавливаются на этом. В связи с тем, что наше представление о здоровье также подразумевает психологическое здоровье, мы пытаемся применять все виды психотерапии: индивидуальные и групповые, анализ поступков и трансцендентную медитацию, йогу и т'и' ай чи (t' ai chi). Наши терапевтические амбиции безграничны. Однако наши успехи ограничены. Не является ли наша оптимистическая цель оздоровления в смысле определения здоровья Всемирной организацией здравоохранения столь же иллюзорной, сколь и грандиозной?

Давайте возьмем в качестве отправной точки для рассмотрения подходящий для этого явления случай и перейдем к серьезному рассмотрению «случаев» — веками освященному медицинскому и психиатрическому методу изучения сущности явлений. Несколько месяцев тому назад я читал письма Джейн Карлейль (Carlisle), жены известного шотландского историка и филантропа Томаса Карлейля. Очевидно, она постоянно была больна. Она страдала от продолжительных головных болей и болей в спине и вечно либо простужалась, либо выздоравливала после простуды. С возрастом она даже стала принимать морфин. Она более всего известна как автор остроумных и интересных писем, составивших картину такого хронического и длительного страдания, что создавалось впечатление, что эта женщина должна быть каким-то инвалидом. С другой стороны, она часто путешествовала и испытывала радость от участия в активной общественной жизни. Кроме того, она была честолюбива, наслаждалась славой мужа и поддерживала его амбиции. Каким-то образом у читателя оставалось впечатление, что миссис Карлейль находила удовольствие в описании своих различных и бесчисленных недугов, своих болей, простуд, лихорадочных состояний, и что посетители, приходившие за советами к ее мужу, обычно завершали свои визиты в комнатах леди Карлейль, справляясь о состоянии ее здоровья. Хотя она рассчитывала на проявления заботы и стремления облегчить ее хронические страдания от окружающих ее людей, ясно, что она не ожидала, что ее исцелят. Очевидно, она

рассматривала свои бесконечные расстройства как часть своей жизни, неотъемлемую часть своего существования. Казалось, она культивировала образ хронической болезни и постоянного недомогания.

Сегодня мы могли бы описать ее как ипохондрика или даже как истеричку, как чрезвычайно невротическую женщину и вдобавок до некоторой степени наркоманку. «Свяжитесь с терапевтом», — таковым был бы сегодня наш совет ей в надежде на то, что кто-либо, терапевт, психотерапевт или аналитик раз и навсегда смог бы освободить ее от страдания. Если бы она жила на пособие для бедных, мы могли бы предложить ей дневную клинику или помощь социального работника. Существует множество людей, подобных Джейн Карлейль, с одним лишь, но главным отличием: их болезнь, их недомогания не одобряются ими самими. Мы чувствуем, что должны принять участие в их исцелении. Не только тот факт, что они больны, беспокоит нас. Они часто оказываются эгоистичными и тираническими натурами. Другая женщина, миссис К., представляет собой образец того, о чем я рассказываю. В возрасте между тридцатью и шестьюдесятью годами она жила в маленьком городке, где местный доктор нашел у нее все виды болезней и расстройств: сердечный недуг, проблему с почками, боли в спине и в желудке. Ее история болезни читается как диагностический учебник. Несмотря на бесчисленные диагнозы и соответствующие методы лечения, ее не исцелили. Ее семья страдала вместе с ней. Ее дети постоянно ощущали себя виноватыми. Когда бы ни разгорался семейный спор или становилось неизбежным открытое столкновение с матерью, им всегда говорили: «Мама плохо чувствует себя, ей необходим покой. Вы же знаете, что мама больна». Их заставляли чувствовать, что мать болеет из-за того, что они, ее дети, столь невнимательны к ней и не способны ее любить. Если дети чувствовали себя виноватыми, то муж, по контрасту, был поработан ею. Его уделом было выполнять все и каждую неприятные обязанности по дому, так как его жена «не чувствовала себя очень хорошо», а доктор сказал, что «она нуждается в покое». Она не только тиранила свою семью. Она развила в себе миссионерское рвение к исцелению болезни: одна из ее дочерей, на самом деле здоровая, была объявлена «хилым ребенком», и все в семье, включая и саму девочку, верили в это.

Что же представляет собой происходящее с миссис Карлейль, с миссис К. и в миллионах подобных случаев? Что же препятствует нашим исполненным благими намерениями усилиям при лечении? Что представляет собой эта, как кажется, нечеловеческая стихия, открыто не повинующаяся лучшим намерениям доктора, пациента и терапевта? Она могла бы оказаться некой силой, некой властью,

непобедимым демоном или, возможно, даймоном. Это некий даймон, которого мы часто пытаемся удержать на расстоянии от себя, уничтожить или, но крайней мере, нейтрализовать посредством теорий и объяснений, но при этом лишь обнаруживаем, что он проскользнул у нас сквозь пальцы или, подобно Меркурию, присвоил себе другое обличье. Предполагается, что формы, которые принимают психосоматические и невротические расстройства, изменяются. Это явление — исторический факт. Люди не так часто впадают в глубокие обмороки, как это случалось восемьдесят лет тому назад; женщины больше не страдают от «меланхолических приступов», а девушкам уже не ставят диагноза «анемия». Вместо них мы имеем анорексию, аллергии и дерматиты. Несмотря на все свои усилия, мы и теперь не обладаем большей властью над этим даймоном, чем в прошлом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АРХЕТИП ИНВАЛИДА

Вернемся снова к вопросу о природе этой силы или сил, этого даймона, открыто игнорирующего наши исполненные благими намерениями попытки достичь полного здоровья. Быть может, мы имеем здесь дело с архетипом? Этот вопрос вовсе не «притянут за уши», как может показаться. Это один из тех вопросов, которые мы должны ставить перед собой, когда бы ни сталкивались с психологическим явлением, которое нельзя объяснить или понять рационально или логически. Здесь под «архетипом» я подразумеваю не столько образ, сколь «врожденный паттерн поведения в некой классической, типично человеческой ситуации». Такое представление согласуется с поздними работами К. Г. Юнга.

Инвалидность — постоянное болезненное состояние, разумеется, оно всегда было с нами. Все живые существа, все человеческие создания приходят в этот мир несовершенными, лишенными чего-либо, будь то в результате наследственности, предродовой инфекции или родовой травмы. Мы становимся все более и более несовершенными по мере проживания своей жизни. Несчастные случаи, болезни и сам процесс старения оставляют необратимые травмы. Чем старше мы становимся, тем большая степень инвалидности характеризует состояние нашего здоровья. Так или иначе, все наши физические, умственные и психические функции оказываются

поврежденными. Мы вынуждены жить с этими несовершенствами и реагировать на них — таков типичный удел человеческого существования, такова типичная человеческая ситуация. Следовательно, раз мы говорили выше об архетипе как о реакции на «типичную человеческую ситуацию», не могли бы мы сделать вывод о том, что инвалидность архетипична по своей природе?

Эти несовершенства могут воздействовать на нас в большей или меньшей степени.

Человек даже не вспомнит дважды о своем дальтонизме или о том, что одна нога у него немного короче другой, но в то же время умственная отсталость или тщедушие могли бы оказать на него гораздо большее влияние. Потеря зрения в одном глазу не может оказать значительного воздействия на нашу способность к развитию; полная глухота, случившаяся в результате взрыва, с другой стороны, — совсем другое дело. Чрезмерная возбудимость, вызванная сотрясением мозга, не оказывает такого же эффекта на наши жизни, как изменения личности, сопровождающие различные мозговые заболевания или расстройства нервной системы. (Так как мозг занимает центральное место в нашей психической и эмоциональной деятельности, мы обнаруживаем величайший диапазон индивидуальностей, связанный с функционированием этого органа.) Вследствие столкновений с несовершенствами, с индивидуализмом, играющих столь значительную роль в человеческой жизни, наши разговоры об «архетипической» реакции можно было бы считать справедливыми. В целях развития дискуссии позволим себе предположить, что существует архетип инвалида.

Прежде чем продолжать, мне бы хотелось сделать несколько общих замечаний по поводу природы архетипов. Никто не знает того, как появились архетипы, или в какой форме они возникли вначале. Юнг предполагал, что они были реакцией на повторяющиеся ситуации. В целях проведения нашей дискуссии не столь важно «как» в сравнении с фактом, что любой архетип вначале был реакцией на особое, конкретное переживание. Однако с течением времени архетип отделился от самого переживания, приобрел до некоторой степени автономию. Иными словами, архетипы сумели отделиться и действительно проявляют себя вне зависимости от конкретной, внешней ситуации. Например, архетип матери может переживаться женщиной независимо от того, имеет она детей или нет. Он воздействует на ее переживания самой себя и окружающего ее внешнего мира, окрашивая их и откладывая на них свой отпечаток. Возможно, например, что концепция «дозволяющего общества» является выражением материнского архетипа. «Мать» позволяет все, прощает все, и не только в отношениях с детьми. Мы часто говорим о «патриархальном» обществе или о «патриархальных»

ценностях. Слово «патриархальный» подразумевает власть отца. Но это отцовство не имеет отношения к детям, к биологическому акту деторождения, скорее, оно влияет на структурирование нашего общества, общества, в котором архетип отца является доминантным. В то время как паттерн мог произойти из опыта отношений отца к своим детям, теперь он включает в себя поведение целого общества.

Мы обнаруживаем автономию архетипа по отношению к внешним ситуациям и в случае архетипа инвалида. В связи с этим архетип может проявляться независимо от того, является ли исследуемая личность инвалидом или нет. Обычно человек, утративший глаз или ногу, пере

живает в большей или меньшей степени архетип инвалида. Это случается не всегда и часто происходит не до такой степени, какой можно было ожидать. С другой стороны, некто без очевидных признаков недееспособности может вести себя так, как если бы он был инвалидом.

Действительное состояние инвалидности слабо или вообще не воздействует на то, как человек проживает свою жизнь.

Если инвалид должен рассматриваться как архетипическое явление, так же должно рассматриваться и здоровье, то есть фантазия о полном здоровье, как его определяет Всемирная организация здравоохранения. Обе перспективы предоставляют способ рассмотрения наших переживаний о самих себе и о нашем мире. Хотя ни одна из них не может считаться ни справедливой, ни неправильной, изображение здоровья в этой книге может показаться односторонним, так как я рассматриваю его с перспективы инвалида. Любая из этих перспектив может оказаться вредной, особенно если она исключительно односторонняя. Ученики Здоровья, с заглавной буквы «З», имеющие в качестве девиза *metis sana in corpore sano* (в здоровом теле — здоровый дух), поклоняются здоровью, рассматривая себя только как здоровых, независимо оттого, насколько больными или недееспособными могут быть на самом деле. Они возобновляют бег трусцой через три месяца после сердечного приступа. При этом, возможно, будучи диабетиками, они могут предпринимать длительные, трудные путешествия по местам девственной природы. Они возвращаются на службу на полный рабочий день после обширной операции. Они едят надлежащую пищу, посещают аналитиков, если у них возникают проблемы, и советуются с консультантами по брачным отношениям, если возникает недопонимание между супругами. Они излучают здоровье вплоть до дня своей смерти: «Он не болел ни одного дня в жизни». Они — из породы восьмидесятилетних членов экспедиции на Маттерхорн (вершина во

Фрашгузских Альпах). Все, как один, они потчуют всех без исключения историями о своем здоровье, совершенно не замечая того, что ни один из них, — повторяю, ни один, — не может быть столь здоровым. Мы все рождаемся инвалидами. Никто из нас не обладает совершенством, даже если наши несовершенства могут быть весьма незначительными, как, например, легкий недостаток координации или отклонение от нормального веса в ту или другую сторону, или сутулость плеч.

Кажется, что здоровье и инвалидность — противоположные способы видения жизни. Человек может видеть себя или как здорового, сильного и «целого» человека, или как дефектного, испытывающего каким-то образом недостатки в теле и в душе (psyche). С перспективы здоровья, недостатки, бессилие и *lacunae* (пробелы) — не более чем временные проблемы, которые следует преодолеть; с точки зрения инвалида, они просто составляют часть жизни.

Если существует архетип инвалида, разве не должна существовать и его мифологическая персонификация? Разве архетипы не появляются обычно в мифологии в виде богов и богинь? Разве такие представления не составляли основу для теории архетипов Юнга? В таком случае, в какой мифологии мы должны найти инвалида как коллективный образ?

Казалось бы, греческие боги могли бы быть чем угодно, но только не инвалидами. В соответствии с их возвеличенным положением, их изображали в виде совершенных созданий. Существуют всего два исключения: Гефест, который хромает, и Ахилл со своей уязвимой пятой. Даже совершенный герой подвержен слабости.

Переходя к германской мифологии, мы обнаруживаем другое положение дел. Здесь существует множество примеров инвалидности. Кажется, вся германская мифология омрачена атмосферой дурных предзнаменований, — *Nidhoggr* — жестокий дракон, подтачивавший корни *Yggdrasil* — Древа Мира, вечнозеленого ясеня, — и знание о грядущем *Goetterdaemerung* (конце света). Мы находим здесь Тора, бога войны, с жерновом, врезавшимся ему в лоб, — болезненным напоминанием о битве, случившейся ранее. Другие германские боги, страдающие от жестоких ран, утратили руку или нечто другое в том же духе. Бальдур, сияющий, непобедимый в сражении против любого врага, за исключением паразитического растения — омелы белой. Инвалидность, кажется, означает гораздо большее в германской мифологии, чем это было для греков.

Многие мифологии, например, мексиканская и индусская, часто изображали своих богов в виде гротескных существ. Подобным образом мы обнаруживаем причудливые

божества, оставляющие впечатление увечности, в доисторических культурах. Часто художники создают мифологические образы такого же рода. Я рассматриваю картины Веласкеса, например, как некое выражение архетипа инвалида. Изображенные им фигуры часто выглядят гротескно и искаженно. Кинорежиссер Феллини придавал пикантность своим работам, густо населяя их инвалидами: калекками, порочными персонажами и ненормальными образцами человеческой расы — слоноподобной женщиной и напоминающим скелет мужчиной. Инвалид как мифический образ и символ появляется также в классических приключенческих произведениях. Один из них напоминает пиратскую историю о Длинном Джоне Сильвере с его деревянной ногой в романе Роберта Льюиса Стивенсона «Остров сокровищ» или лукавого соперника Питера Пэна — капитана Хука с металлическим протезом. Фигуре пирата, самой по себе представляющей образ инвалида, традиционно недостает руки или ноги, или, по крайней мере, он носит повязку над одним глазом. Другой знакомый образ инвалида из литературы — Квазимодо, один из героев Виктора Гюго, горбун из Нотр-Дам. Вообще говоря, искусство, кажется, выделяет, подчеркивает архетип инвалида, — что такое горгульи на здании кафедрального собора Нотр-Дам, как не инвалиды?

Допустив существование архетипа инвалида, следует предположить, что должен существовать также и инвалидный комплекс, так как архетипы притягивают к себе части души (psyche) и психические переживания. Именно эти явления составляют сущность комплекса. Человек, имеющий отцовский комплекс, стремится проживать жизнь в границах патриархального, независимо от того, имеет ли оно отношение к «отцу» (или к «отцовству») либо нет. Например, полицейский заставляет его чувствовать себя маленьким мальчиком, которому противостоит родитель с отцовской стороны. Это, фактически, и есть инвалидный комплекс. В процессе моей деятельности в качестве психотерапевта я часто встречал женщин, — как, впрочем, и мужчин, — которые были способны влюбляться только в инвалидов. Их сексуально влекло только к тем людям, которые были физическими инвалидами.

Позвольте мне обрисовать краткий «дифференциальный диагноз» архетипа инвалида посредством определения и сравнения. Не следует смешивать инвалида с архетипом ребенка. Ребенок, подобно инвалиду, слаб и находится в подчинении взрослых, не обладая их качествами. Однако ребенок растет, изменяется, становится взрослым, «убивает отца». Он обладает будущим. Архетип инвалида также не должно путать с архетипом болезни. Болезнь, во многом подобно ребенку, имеет будущее. Она приводит

к смерти, к выздоровлению или даже к инвалидности. Она — временная, проходящая угроза, катастрофа. Болезнь может серьезно нарушить психику или психическую деятельность, но она представляет острое, динамическое, временное явление. Инвалидность не ведет никуда, ни к смерти, ни к выздоровлению. В конечном счете, она — хроническая, продолжительная неполноценность. Это — хроническое ощущение пребывания «в неисправном состоянии».

Проживающие жизнь в архетипе инвалида могут быть утомительными и раздражающими для тех, кто находится в их окружении. Могу заметить в скобках, что существует лишь один архетип, столь же утомляющий и раздражающий: архетип фантазии о здоровье. Человек, без конца жалующийся на боли в спине, весьма утомляет, но это — ничто, в сравнении с другим, никогда не устающим рассказывать о своем физическом совершенстве, о том, как его сердце продолжает биться регулярно и ритмично после шестимильного пробега трусцой, о том, как он встает каждое утро в шесть часов, чтобы принять душ из ледяной воды.

Разумеется, архетип сам по себе и для окружающих не является ни хорошим, ни плохим, ни интересным, ни утомительным. В зависимости от ситуации и нашей точки зрения, он может быть как негативным, так и позитивным. Наша работа в качестве психотерапевтов заключается в изучении и размышлении об архетипах и их свойствах, она позволяет нам удивляться им, познавать их, до некоторой малой степени, обсуждать с ними действительные переживания. Архетип инвалида может раздражать; с другой стороны, быть очень приятным, как в следующем примере.

Я знал мужчину средних лет, страдавшего из-за хронических болей в спине, периодических депрессий и постоянного утомления. В то же время он был славным малым в компании — заставлял других ощутить себя отзывчивыми и полезными. Вы всегда могли сделать что-нибудь для него, например, подыскать ему удобное кресло. Казалось, он ценил жесты такого сорта. Он никоим образом не представлял угрозы для других, находившихся возле него; не возникало чувства соперничества между ними за уделенное ему время и внимание. Он заставлял вас ощутить себя добросердечным и щедрым, провоцируя на дружеские отношения, охотно принимая такое отношение от других. Он создавал вокруг себя благотворную, умиротворяющую атмосферу. Если архетип инвалида осознается и уважается окружающими, а, он вдохновляет на размышление и дискуссию. В случае данного человека, если кто-либо предлагал прогуляться, он отвечал: «Нет, благодарю вас, у меня болит спина. Почему бы нам не остаться дома и поболтать немного?»

Архетип инвалида может оказаться полезным для личности, проживающей его в своей жизни. Он противостоит напыщенности; он культивирует скромность. Так как человеческим слабостям и неудачам следует оказывать должное внимание, возможно возникновение некоторой вдохновенности. Инвалидность служит постоянным напоминанием о смерти, *memento mori*, о всегда присутствующих столкновениях с физическими и психическими ограничениями. Она не позволяет замыкаться в фантазии о здоровье или избегать осознания неминуемой смерти. Она развивает терпение и удерживает от поступков, вызываемых навязчивыми идеями. В некотором смысле, это очень человечный архетип. Фантазия о здоровье и целостности тела и души может удовлетворять богов, но простым смертным она приносит страдание. *Quod licet Jovi pop licet bovi* («Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку»).

Вследствие того, что архетип инвалида усиливает человеческую зависимость, так как он вынуждает признавать наши взаимные потребности в других и для других, он является значимым фактором во взаимоотношениях. Современных людей преследует психологическая *fata morgana* — иллюзия о Независимой Личности. До сих пор еще встречаются люди, верящие в возможность быть полностью не зависимыми от других. Все мы зависим от кого-либо — от мужей или жен, от матерей и отцов, от наших детей, друзей, даже от наших соседей. Знание наших собственных несовершенств и слабостей, нашей собственной инвалидности помогает нам осознавать нашу вечную зависимость от кого-либо или от чего-либо. Личность, являющаяся «калекой» в отношении чувств, всегда будет зависеть от тех людей, которые обладают «здоровым» чувством по отношению к жизни. Как взаимная, так и односторонняя зависимость возникают сами по себе вместе Свобода и независимость — их альфа и омега, начало и конец их существования.

Другой областью, в которой архетип инвалида играет важную роль, является перенос в психотерапии. Зависимость в психотерапии обычно понимается как отцовский или материнский перенос и рассматривается как регрессия. К сожалению, регрессивная фантазия ребенок/родитель в психотерапии может оказаться опасной. Чаще всего зависимость клиента отражает не ребенка, а инвалида. Иногда клиент остается зависимым от своих терапевтов в течение многих лет — ребенок, кажется, никогда не вырастает. Как может такое случиться? Мы имеем дело не с ребенком, а с инвалидом и его (или ее) соответственной потребностью быть зависимым! В подобных ситуациях у аналитика часто развивается чувство вины. Аналитик спрашивает себя, не пытается ли он, возможно, бессознательно, создать обширную практику посредством констелляции

зависимости анализанда? Вопрос, разумеется, неуместен. Аналитик, не чуждый этическим правилам, законным образом служит инвалиду в качестве костыля. Хотя аналитик может попытаться сдвинуть потребность анализанда в зависимости на кого-нибудь другого, на соседа или друга, но одно остается определенным: костыль всегда будет необходим. Цель полной независимости просто недостижима. Если, с другой стороны, аналитик отождествляет себя с фантазией о здоровье, целостности и росте, то он просто не замечает того, что происходит. Аналитик верит в то, что имеет дело с архетипом ребенка. Ему не удастся осознать, что отсутствие роста и выздоровления указывает на инвалида, а не на ребенка. Ребенок, как мы отметили выше, растет и требует лишь временной помощи.

Я должен снова и снова повторять, что трудности и сопутствующие опасности в отношениях с инвалидом невозможно переоценить. Именно эти трудности и опасности, часто поддающиеся как коллективному, так и индивидуальному вытеснению, характеризуются лозунгом: «Инвалид должен всегда быть с нами!» В нашей конфронтации с инвалидностью все мы слишком поспешно поддаемся фаталистическому аттитюду, пассивности, которая говорит, «К чему беспокоиться? Все равно мы не можем ничего с этим поделать!» Не имея должного понимания архетипа инвалида, мы сдаемся, мы прекращаем попытки лечения того, что может быть излечено. До некоторой степени огромные успехи, достигнутые как в медицине, так и в психиатрии, являются результатом вытеснения инвалида. Нами настолько завладевает фантазия об общем здоровье, что мы неустанно предпринимаем попытки ее осуществления. И все же мы, аналитики, не должны быть первыми, кто швыряет камни: фантазия о здоровье наполняет нашу практику столь же несомненно, как и фантазия об инвалидности.

Если я выступаю *ipso facto* (в силу самого факта) как назначивший сам себя адвокатом в защиту в деле «здоровье против инвалидности», то поступаю так потому, что архетипом инвалида слишком долго пренебрегали; ему никогда не выказывали уважения, которого он заслуживает. Мои нападения на «здоровье», на позицию обвинения, имеют намерение не дискредитировать, а, скорее, помочь в достижении некоторого подобия баланса между основными перспективами. Для дальнейшего развития моего дела мне хотелось бы указать на заблуждения архетипа здоровье/целостность, моего достойного оппонента.

Согласно современной фантазии о здоровье, мы должны стать цельными там, где целостность понимается в смысле совершенства: «Будь ты совершенным...»

Мельчайший дефект, малейшая неисправность функционирования должны быть излечены, устранены или искоренены. Хотя и были времена, когда меланхолический темперамент был приемлем, даже идеализирован, сегодня меланхолии диагностируются как «депрессивные» состояния, их лечат транквилизаторами и доводят людей до блаженного растительного состояния. Глубоко внутри, внизу, все мы осознаем свои неудачи, свою слабость, свою инвалидность. В то же время мы вытесняем это осознание всеми возможными способами. Мы сражаемся бесконечно, бессмысленно, чтобы поддерживать иллюзию о целостности, пытаемся достигнуть состояния совершенного здоровья.

Наша слепота в отношении места и значимости инвалидного архетипа становится нравственным аттитюдом, полагающим здоровье и целостность основным принципом добродетели. Нетрудно представить, каким опустошительным является этот аттитюд для страдающих от неврозов и психосоматических нарушений. Меня постоянно поражает тон морального превосходства, украдкой проникающий в голоса психиатров во время дискуссий на тему о природе таких случаев. Невротики и психосоматики — просто низшие существа; их нельзя вылечить, так как они сами не хотят исцеления. Они не хотят перемен; они не желают развиваться. Они отказываются от наших попыток улучшить их состояние. Они не желают прислушиваться даже к своим сновидениям! Подобно утопающим, они цепляются за свою сопротивляемость, упорно защищаясь, как мы постоянно наблюдаем, от терапевта, пытающегося лишь помочь им. Такие люди, такие бедные, такие невежественные души достойны нашего внимания, лишь когда воспринимают наши фантазии о развитии/здоровье/целостности (это фантазия или обманчивая навязчивая идея?) Как терапевты, мы интересуемся ими только тогда, когда они хотят, чтобы их вылечили.

Я не хотел бы оставлять впечатление, что все пациенты представляют хронические случаи или не могут быть исцелены. Я только хочу указать на то, что в тех случаях, где проявляется архетип инвалида, лечение и целостность являются просто невозможными. Восприятие этого факта может показаться безнравственным как пациенту, так и аналитику. Однако положительные эффекты вскоре компенсируют любые мучительные сомнения. Вследствие того, что лечение и целостность — настолько модные темы в наши дни, мы отчаянно нуждаемся в обсуждении и принятии инвалидного архетипа.

Пренебрегать любым архетипом или клеветать на него — значит вызвать его гнев и мщение, и архетип инвалида не является исключением в этом отношении. Кажется, чем

упорнее мы пытаемся вылечить хронических невротических или психосоматических пациентов, тем более отчаянно они сопротивляются. Они становятся более деспотичными, более требовательными и требуют к себе все большего нашего времени и внимания. Наши усилия не только не вылечивают, но, кажется, лишь еще более ожесточают их. Оказывается, что множество людей только и ожидают того момента, когда смогут заявить о своей инвалидности. Незначительный несчастный случай, легкое уменьшение какой-либо физической или умственной способности, и они уже оставляют свои работы, требуют страховки по недееспособности и ожидают, когда другие начнут заботиться о них. В каждом из нас они пробуждают чувство вины. Кажется, они говорят, «Теперь я инвалид. Теперь ваше дело заботиться обо мне». Этот наш провал, что мы допускаем присутствие инвалида в каждом из нас, эта наша фантазия о том, что человеческие существа должны быть такими же здоровыми, как те идеализированные греческие боги, — все это делает нас неспособными совладать с архетипом инвалида, когда мы с ним сталкиваемся. Наше чувство вины заставляет нас платить дань тому, что мы отказываемся признать.

В то время как слабость проявляется в сочетании с инвалидностью, они никоим образом не являются синонимами, — аспект, который слишком часто не замечают. Джейн Карлейль, о которой я говорил ранее, была чрезвычайно одаренной натурой. Она была способна приносить пользу другим посредством собственных усилий, не полагаясь на славу мужа. Она путешествовала, посещала бесчисленные приемы и наслаждалась активной и интенсивной общественной жизнью. Другим примером может служить одна из моих пациенток. Женщина была чрезвычайно невротична, страдала от всех видов психосоматического расстройства. Она испытывала затруднения со сном, она просыпалась от малейшего звука. Она покрывалась аллергическими сыпями, каждое лето страдала от носовых кровотечений, могла есть только специально приготовленную пищу и выносила лишь один вид простыней. Она испытывала панический страх при виде насекомых: беспокойство о заражении инфекционными болезнями доводило ее до отчаяния, а малейший сквозняк для нее оказывался настоящей пыткой. Эта «развалина» участвовала в экспедициях в самые примитивные и неисследованные районы Юго-Восточной Азии. Она должна была ночевать в невероятно мерзких и опасных условиях, где роились массы насекомых, где даже легкое движение во сне могло привлечь жало ядовитого скорпиона или укуса паука. Вопреки ее постоянным невротическим и психосоматическим симптомам, эта женщина отваживалась путешествовать в такие места, по которым большинство «нормальных»

смертных никогда не отважилось бы пройти.

В этой связи мне хотелось бы упомянуть о концепции компенсации, которой пользовался Альфред Адлер. Будучи в начале своей деятельности одним из учеников Фрейда, а позднее установивший собственную психологию, Адлер утверждал, что человеческие существа компенсируют свою так называемую органическую неполноценность. Адлер представляет особый интерес в рамках этой дискуссии в связи с его увлеченностью архетипом инвалида. Он рассматривал развитие неврозов как непосредственную реакцию на чувства неполноценности, возникающие из действительных физических препятствии. Иными словами, он оценивал человеческое поведение из перспективы инвалида. В его сочинениях мы обнаруживаем подробные описания различных форм, которые принимает архетип инвалида. Он сводил всю человеческую психологию к реакциям на вездесущие физические слабости.

Многие из наших пациентов являются ярко выраженными инвалидами. Для того чтобы обеспечить им помощь, в которой они нуждаются, — так как излечение их невозможно, — мы должны довести их до той стадии, в которой они смогут жить со своей неполноценностью. В терапии мы обязаны работать вместе с архетипом инвалида, помогая своим пациентам понять, что процесс их индивидуации включает их инвалидность. Работать без нее, исключать ее было бы ничем другим как иллюзией. Позвольте мне пояснить, что именно под этим я подразумеваю.

Деятельность человеческих существ базируется на четырех основных способах или функциях: мышление, чувство, ощущение и интуиция. По крайней мере теоретически, все мы обладаем возможностями всех четырех: одна из функций является высшей, другая — низшей, а две остальных — дополнительными. Верховные Жрецы Здоровья и Целостности хотели бы, чтобы мы помогали своим пациентам развить в себе все четыре функции. Однако многим пациентам, по тем или иным причинам, недостает одной или двух из этих функций. Этот недостаток похож на то, как если бы эти люди были калеками или обезображенными болезнью. Например, если они лишены функции чувства, было бы бессмысленным помогать им развивать то, чего у них нет. Скорее, нам следовало бы лучше помогать им в исследовании меры их неполноценности, показывать им, как жить с нею, и демонстрировать, как можно наладить взаимоотношения с кем-нибудь, кто, например, обладает хорошо развитой функцией чувства. Попытка развить все четыре функции у таких пациентов привела бы только к разочарованию и отчаянию как пациента, так и терапевта. Вместо приятия и уважения пациента такого, каким он является — инвалидом, — можно столкнуться с опасностью,

что терапевт и пациент не только начнут отвергать инвалидность, но будут и презирать ее. Для пациента результат, очевидно, будет иметь катастрофические последствия. Являемся ли мы, аналитики, в действительности адвокатами архетипа инвалида? Разве это не то, чем именно мы должны быть?

Душа (psyche) видится, с одной стороны, как архетипическая, действующая в соответствии с данными, универсальными паттернами поведения и переживания. С другой стороны, она демонстрирует совершенно индивидуальные, уникальные свойства. Образы целостности и инвалидности оба универсальны, другими словами, они — архетипические. Давайте спросим себя, представляют ли они собой два полностью различных архетипа или являются парой, аспектами одного и того же архетипа? Образ инвалидности не может существовать без образа целостности; образ Несовершенного можно видеть только на основании Совершенного.

В целях продолжения дискуссии легче говорить о двух отдельных архетипах. Однако в окончательной стадии анализа как целостность, так и инвалидность являются аспектами Самости, представляющими противоположности внутри нашей души. К сожалению, когда мы говорим о Самости, оказывается, что уж слишком много сказано о таких качествах, как завершенность, совершенство и целостность. Наступила пора поговорить о несовершенстве, инвалидности Самости. Я всегда испытывал затруднение при интерпретации того факта, что мандалы рассматриваются преимущественно как символы Самости — на мой вкус, они уж слишком целостны. Люди приходят к осознанию самих себя, своих Самостей через свою инвалидность; завершенность достигается при переходе через незавершенность. Процесс должен быть обрисован, воспринят и пережит. Общеизвестно, что трудно поддерживать образ завершенности и целостности и в то же время признавать инвалидность. Неизбежно то или иное свойство возьмет верх над другим. В течение Средневековья вплоть до эпохи Реформации гротеск и деформация правили человечеством. Сегодня мы поклоняемся культуре целостного, здорового и завершенного, достигающему апогея в совершенстве, подобном мандалам.

Глава третья

Эрос

Те, кто отождествляет себя с архетипом инвалида и проживают с ним жизнь, могут быть или творческими натурами, или не иметь творческих способностей, быть приятными или неприятными, интересными или скучными. Негативные аспекты этого архетипа часто оказываются резко выраженными. Я упоминал некоторые из них ранее: тирания, эгоизм, поглощенность самим собой, эксплуатация чувства вины других, стремление уйти от действительности. Позитивные аспекты включают скромность, способность к размышлению, принятие зависимости и духовность для религиозных. Все архетипы проявляют как приятные, так и неприятные, как созидательные, так и разрушительные качества. То, как переживает тот или иной архетип, совершенно не зависит от его природы. «Хорошо, тогда скажите, — можем мы спросить, — от чего же зависит его переживание?» Для того чтобы ответить на этот вопрос, мне хотелось бы сказать слово об особенном греческом боге, Эросе.

Согласно греческой мифологии, Эрос является самым древним из богов, хотя существуют некоторые предания, представляющие его самым юным из них. Самый древний или самый молодой — неважно, ясно только, что он особый бог, отличающийся от других. Он — бог любви. Здесь любовь понимается включающей целый спектр эмоциональных привязанностей, от сексуальности и дружбы до связи по профессии, увлечению и искусству. Эрос поглощен работой над любовью, которую мужчины испытывают к женщинам, а женщины — к мужчинам. Эрос, кроме того, присутствует в политиканах, «любовь» которых — это политика, или в математиках, чья страсть отдана математике, или в любителях-цветоводах, которые живут ради своих роз. К заслугам Эроса следует причислить то, что боги и богини, боги и смертные сближаются друг с другом как любовники, так что рождаются новые боги и полубоги. Без его участия не было бы никакого движения среди богов; фактически, не было бы богов вообще. Именно Эрос превращает богов — архетипов — в любящих, творческих и вовлеченных в дела других. Только под влиянием Эроса могут боги или архетипы становиться любящими. Что касается нас, смертных, боги к нам равнодушны, бесчеловечны, отдалены и холодны. Только когда они связаны с Эросом, мы действительно ощущаем их побуждение, тогда они становятся творческими, близкими и вдохновляющими. Далее приводятся несколько примеров того, о чем я говорю здесь. Воитель без Эроса — жестокий наемник, бессмысленный массовый убийца, демонический истребитель. С Эросом воитель борется за защиту ценностей, значимых для него. Он готов пожертвовать своей жизнью за других или за более высокие идеалы. Обманщик без Эроса — ничто иное как обыкновенный жулик и лжец, самозванец, мошенник,

втирающийся в доверие людей. С Эросом обманщик — удивляющий, вдохновляющий, не препятствующий согласию и заведенным порядкам, но постоянно открывающий новые аспекты самого себя и показывающий неожиданные возможности другим людям в своем окружении. Он игрив и очарователен. Архетип матери без Эроса — слишком покровительственный, удушающий своих детей в материнских заботах об их безопасности, поглощенный только заботами о пище, тепле и защите. Дети — всего лишь инструменты, используемые для личного возвеличивания, себялюбивое продление самой матери. Однако с Эросом ребенку, которого любят ради него самого, прививают идеалы, ценности и воображение. Роль матери в таком случае заключается не только в биологическом размножении, но также в передаче и воспитании духа человеколюбия.

Архетип инвалида ничем не отличается от любых других архетипов. С Эросом инвалид пробуждает услужливость и дружескую искренность. Инвалидам могут быть свойственны скромность, малодушие, и эти качества способствуют их философским и религиозным размышлениям. Их не увлекает соревновательный характер атлетических игр, а занимает осознание пределов возможностей человеческого тела и души. Их меланхолия становится творческой. Инвалиды без Эроса — злобны, деспотичны, утомительны и склонны к паразитическому существованию. Они возмещают свою инвалидность доминированием над другими. Они портят настроение окружающим. инфантильны, пессимистичны, наполнены ненавистью к самим себе и к другим. От Эроса зависит, является ли воплощение архетипа инвалида благословением или проклятием. Насколько архетип, любой архетип, способен к переживанию, зависит от присутствия Эроса или его отсутствия.

Давайте не допустим ошибки: Эрос — не спаситель; он — не разгадка «счастливой вечной жизни». В то время как Эрос делает архетипы более человеческими, смягчая их демонические свойства, он сам может быть весьма демоническим. Множество жизненных трагедий и комедий, печалей и радостей, отчаяний и ликований возникает из конфликтов и недоразумений, вызванных Эросом, Влюбиться в кого-то или во что-то означает испытывать страдание, конфликт, проблемы и разочарования, но также переживать радость и удовлетворение.

Архетип Эроса поднимает несколько важных вопросов. До наших дней было мало написано о взаимоотношениях между архетипами. Можно не сомневаться в том, что индивидуальные архетипы рассматривались и описывались, но не обсуждалось, как один или более архетипов влияли на других. В то же время именно это взаимное

влияние, это взаимоотношение играет столь решительную роль в понимании человеческого поведения. Присутствие или отсутствие взаимоотношений между архетипами в индивиде — определяющий фактор формирования характера и судьбы. Это взаимоотношение зависит от Эроса, как я собираюсь рассматривать это позже.

Глава четвертая

Изгои общества, правонарушители и инвалиды

Эроса (психопаты)

Я говорил об инвалидах в самом широком смысле этого слова, руководствуясь концепцией об архетипе инвалида и исследуя его различные проявления. Обычно мы думаем об инвалидности как о физическом состоянии, но существуют также и психические инвалиды. Инвалидность может быть незначительным, второстепенным явлением или может занимать центральное положение в жизни индивида. Одним из примеров центральной инвалидности является состояние, называемое психопатией, психиатрический диагноз, который представляется в наше время несколько вышедшим из моды. Он ставится для обозначения врожденной разновидности личности, приводящей к личному и коллективному страданию. Давайте рассмотрим, до какой степени психопатия родственна одной из наиболее важных форм инвалидности, инвалидности эроса. Если эрос рассматривается как фактор, придающий любому архетипу — включая архетип инвалидности — творческие, гуманные и позитивные свойства, что же случается, когда средоточием инвалидности оказывается сам эрос? Для того чтобы читатель мог лучше понять то, о чем я пишу, мне хочется сказать нечто относящееся к феноменологии психопатии, а затем продолжить рассмотрение ее истории. Психопатия не является внутренним содержанием диагноза. Само слово превратилось в оскорбление, но и по сию пору находит широкое распространение среди юристов, докторов, психологов и подростков. Хотя этот термин имеет определенные недостатки, кажется, он находит некий отклик в фантазиях многих людей и, очевидно, несет в себе определенные психологически скрытые значения. «Психопат», «психопатия» происходят от греческих слов *psyche* (душа) и *pathos* (страдание). Следовательно, психопат — это человек, страдания которого происходят из-за его души, или тот, кто душевнобольной. Это слово давно уже не используется в таком смысле, теперь оно подразумевает безнравственность, неустойчивость, ненадежность и даже криминальность. Даже если мы примем унижительные, скрытые значения такого использования этих терминов, этим

диагнозом часто злоупотребляют. Приводимые ниже случаи относятся к людям, получившим диагноз психопатов, и они послужат основанием для более подробного рассмотрения психопатии. Надеюсь продемонстрировать, что значимость термина и явление психопатии все еще существует для нас сегодня, в равной мере для юристов, врачей и психологов.

Первый случай относится к тридцатипятилетнему человеку, отбывшему шесть сроков тюремного заключения. Все шесть раз его обвиняли в краже — в краже, а не в вооруженном ограблении. Он вламывался в частные дома, крал что-нибудь, а затем продавал украденное. Во множестве случаев он получал государственное пособие на основании поддельных документов. В то время как его преступления не были серьезными, он совершал их снова и снова. Он никогда не жил в одном месте более, чем два года, несмотря на то, что был женат и имел детей. Где бы он ни жил, его всегда не любили. Во время последнего суда над ним его осматривал психиатр, диагностировавший его как психопата. Согласно записи судебного решения, он был человеком, личность которого препятствовала ему вести организованную и стабильную жизнь. Психиатр установил, что подсудимый не обладал нравственными качествами, жил, не руководствуясь никакими моральными принципами. Надежность, уважение к собственности, устойчивость и трудолюбие — все эти понятия ничего не значили для него. Он демонстрировал четкое отвержение и враждебность к любой социальной структуре или ее требованиям. Вследствие его напряженных отношений с обществом более верным было бы определить этого человека как социопата, чем как психопата. Повторное психиатрическое обследование обнаружило, что оба диагноза, социопат и психопат, могли быть неправильно истолкованы и были неуместны.

Человек принадлежал к субкультуре, чем-то напоминающей уклад цыган, обнаруженных в восточной части Швейцарии, в Грисоне (Grisons). Психиатрическое обследование показало, что он обладал определенным моральным и социальным сознанием, если только вопрос касался людей его группы. Единственная проблема состояла в том, что эта группа не отождествляла себя со стандартами остального общества. Он был человеком приятного, благожелательного типа, и с ним было легко познакомиться, как только он преодолевал свое первоначальное недоверие к посторонним. Он был плохим работником: держаться за свое место на какой-то работе просто не представлялось важным в его культуре. Первый психиатр описал его как психопата или социопата, так как этот человек не отождествлял себя с социальными правилами. В результате или он страдал из-за общества, или общество — из-за него.

Однако внутри собственной группы он был чем угодно, но только не антиобщественной личностью. Его уважали, искренно любили, он был предан друзьям и знакомым. Более того, он строго соблюдал правила собственного клана.

Второй случай — о двадцатидвухлетней девушке, находившейся под опекой суда, в связи с чем к ней был приставлен попечитель. Он постоянно был вынужден предпринимать меры против нее, так как она упорно продолжала заниматься проституцией. Она совершала мелкие кражи, иногда обкрадывая своих клиентов. Девушка проявила озлобленность, была убеждена в том, что большинство людей относятся к ней неприязненно. Хотя она обладала интеллектом, превышающим средний уровень, с ней было трудно даже разговаривать, не говоря уже о том, чтобы понять мотивы ее поведения. Ее семейная история сложилась весьма несчастливо: слабовольный и грубый отец, мать, никогда не бывавшая дома. То была старая история о заброшенном ребенке, которого не любили собственные родители. Учителя пренебрегали ею, и школа стала для нее пыткой. Отец проклинал учителей, школьный совет и поголовно всех социальных работников, которые должны были влиять на семью девочки, чтобы облегчить трудности ее домашней жизни. Они изо всех сил старались помочь девочке и ее семье. Сама девочка росла чрезвычайно подозрительной, отказываясь от советов или помощи. Согласно ее личному делу, такое состояние дел в доме установилось с тех пор, когда ей исполнилось двенадцать лет.

Последующая история развивалась типически. Она бросила школу после окончания девятого класса, и социальный работник пытался подыскать ей место для обучения какой-либо профессии. Девочка сказала, что хочет стать чертежницей, и ей нашли соответствующее место работы. Однако, по истечении двух недель она бросила работу, заявив: «Меня всунули туда, не спрашивая, чем бы мне хотелось заняться». Когда годом позже наступило время ее конфирмации, родители не смогли купить ей новую одежду и обувь. Сочувствуя ее положению, один из членов церковного прихода купил ей пару туфель на деньги из собственного кармана, но перед церемонией она ввязалась в драку со своим благодетелем, со злобой обвиняя его в том, что он купил ей туфли, чтобы посмеяться над ней. Она отвергала все, что делалось для нее, и приходила в особую ярость, когда люди пытались ей помочь. Судебный психиатр признал ее психопатом.

Наш третий «психопат» был бизнесменом, который, несмотря на свой успех, испытывал взлеты и падения. В нескольких случаях он был близок к банкротству, но Госпожа Удача всякий раз улыбалась ему. За некоторое время он сумел скопить значительное

состояние. Когда я встретился с ним, он переживал один из своих успешных этапов. Должен заметить, что он обратился к терапии не по собственному желанию, но был послан ко мне своей женой, которая вряд ли вынесла бы продолжение своей жизни с ним дольше.

Она описала его как поверхностного человека; такое же впечатление о нем сложилось и у меня. Хотя он был довольно интеллигентным, у него были неприятности в школе, он не мог концентрировать свое внимание и, начиная приблизительно с тринадцатилетнего возраста, переходил из одной школы в другую. Он не был непослушным или возмутителем спокойствия; он продолжал менять школы из-за плохих оценок. Наконец, ему удалось закончить школу и поступить в университет. Прослывшись там без толку около двух лет, он поступил на службу к своему брату, а позже занялся собственным бизнесом. Он нравился всем, где бы он ни жил, у него было много знакомых, но мало друзей. С другой стороны, его жена воспринимала его как грубого и равнодушного человека. «Мой муж — психопат, — сказала она. — Он не любит меня, он не любит вообще никого! Однако люди любят его, потому что он всегда — душа любой вечеринки. Единственная причина его успехов состоит в том, что он никогда не возражает против риска. Ничто не беспокоит его. Даже когда похоже на то, что его ожидает банкротство, он все равно по ночам спит спокойно. Снова и снова он рискует всем, что имеет, не думая дважды об этом!» Близкие родственники, вопреки его знакомым, решительно не любили его. Хотя они постоянно пытались сблизиться с ним, их всегда отталкивало его равнодушие и стремление отдалиться от них. Не только жена считала его психопатом. Психиатр, у которого он консультировался по настоянию жены, позвонил мне и сказал: «Бедняжка вышла замуж за психопата!»

Четвертый случай относился к тридцатипятилетнему человеку, которого обвиняли в убийстве. Согласно его собственному признанию, он не впервые убил человека. Казалось, он наслаждался впечатлением, которое производил на других, описывая, каким отчаянным он был по природе, и как его ничуть не беспокоило, если он убивал кого-нибудь. Его жизнь протекала весьма бурно. Его мать не хотела его рождения и в трехлетнем возрасте отослала его жить к тетке. Он никогда не знал своего отца. Он всегда пребывал в разногласии с другими и в школе ввязывался в одну драку за другой, часто нанося телесные повреждения своим соученикам. У него не было чувства ответственности, он жил по законам джунглей — выживать любой ценой в любых обстоятельствах. Он мог быть весьма дружелюбным и вежливым парнем, получал удовольствие от бесед и разговоров на приемах, но при этом его было трудно

воспринимать как личность. Его считали психопатом из-за отсутствия в нем нравственных устоев.

Что же общее можно найти в этих четырех персонажах? Все они обладают свойствами, приводившими их к трудностям с окружающими и к личному страданию. Ни один из них не имеет умственного расстройства; ни один не отличается нарушением отношений с реальностью. И все же что-то с ними не в порядке. По той или иной причине их общественное поведение отличается, приходит в противоречие с принятыми общественными правилами.

В первом случае, человек, постоянно оказывающийся в тюрьме, в действительности соблюдает общественные правила, единственная его проблема заключается в том, что его «общество» отличается от общества большинства людей. Конфликт состоял не между ним и обществом, а между его обществом — правилами которого он чрезвычайно предан — и большинством. Его неприятности были вызваны его отношением к собственности. Он не рассматривал собственность как нечто обеспечивающее ее владельцу свободу, но как некоторое количественное понятие: одни имели слишком много, другие — слишком мало. Так как у него было слишком мало, он считал справедливым присвоение некоторого количества от тех, кто имел слишком много. Он не отличался ни агрессивностью, ни инстинктом разрушения. У него были определенные нравственные правила, из его субкультуры, важные для него и обязывающие к их соблюдению. Следующая история служит примером этих правил. В соответствии с традициями его семьи, новорожденный ребенок был «окрещен» в семейном кругу в результате весьма экзотической, варварской церемонии. Несколько дней спустя семья должна была придти к католическому священнику, который крестил ребенка и дарил ему подарок. Таким же образом ребенка затем приносили к протестантскому священнику для крещения и получения подарка. Эта процедура не всегда срабатывала, но обычно им удавалось найти священника, который исполнял церемонию, слегка догадываясь о том, что ребенок уже был окрещен два или три раза. Важным было удостовериться в том, сколько подарков могла получить семья. Насколько можно было понять этих людей, весь смысл официальных крещений состоял в том, чтобы получить как можно больше подарков. Они никоим образом не считали это обманом или дурным поступком. Они не были безнравственными; у них просто была другая мораль!

Всегда случаются некоторые напряженные моменты, когда встречаются две разных культуры, особенно когда их конфронтация происходит в специфическом месте.

Ситуация складывается особенно трудной для членов культуры, представляющей меньшинство, так как часто этих людей презирают и отвергают, воспринимая их как не имеющих определенных важных нравственных правил. (В новейшей истории евреи — наилучший пример дискриминации такого рода.) Диагноз психопатии оказался неоправданным в этом случае: человек был абсолютно нормальным.

Второй случай отличается от первого. Девушка происходила из семьи, открыто противостоявшей общепризнанным общественным ценностям и правилам. Не принадлежа к культуре меньшинства, девочка действительно придерживалась ценностей своего ближайшего социального окружения. Ее отношения в семье сложились скверно; в определенной степени родители предали ее. Грубый отец и вечно отсутствующая мать не были способны или не желали дать своей дочери то, в чем она нуждалась и чего ожидала от них. По мере того, как девочка подрастала, встречая все больше и больше людей, она проецировала испытанные ею разочарования в родителях на общество в целом. Не то чтобы отрицая признанные общественные ценности, она относилась к ним в целом как к обману, как к заговору, нацеленному против нее. Предательство, пережитое со стороны родителей, было умственно перенесено ею на все общество. Ее антагонистический аттитюд становился даже более откровенным, по мере того как ее собственная отрицательность — ее теневые свойства разрушения и зла — проецировались на представителей социальной структуры. В связи с тем, что она оценивала своих родителей и самое себя как разрушительных, злобных и враждебных, общество стало олицетворять для нее те свойства, существования которых она не могла признать в самой себе. Ее родители поддерживали ее антиобщественные аттитюды, частично чтобы избежать признания собственного предательства, а частично — чтобы уклониться от ненависти и отвержения со стороны своей дочери. Они поощряли ее отношение к представителям общества — учителям, социальным работникам, полицейским и священничеству как к самому дьяволу.

С другой стороны, девочка обладала способностью формировать взаимоотношения, устанавливать эмоционально близкие связи с другими людьми. Было сложно узнать ее, так как ее начальная реакция на незнакомых была враждебной. Однако она не была неприветливой и отстраненной. Понять занятую ею позицию было также несложно. До определенной степени ей не была чуждой нравственность — она осуждала свое окружение за отсутствие в нем морали. Она повторяла снова и снова, что другие дурно обходились с ней, что ей лгали, и что она оказалась жертвой мошенничества. Ее правила для себя самой и окружающих были действительно весьма благородными. Она

была предана своим друзьям и защищала знакомых, которых, как она чувствовала, также предало общество. Она обладала хорошо развитым этическим ощущением и была способна к любви и ненависти, к эмоциональным и близким отношениям с другими. В этом случае диагноз психопатия кажется неуместным, если не неверным вообще. Больше подошел бы диагноз социального невроза. Ее невроз был ее проекцией своих негативных детских переживаний, как и собственных негативных свойств, на общество и его представителей. Сущность личности девочки не так уж отличалась от сущности других человеческих существ. В то время как она не принадлежала к культуре меньшинства, как это было в первом случае, она действительно ощущала себя исключенной и отвергнутой культурой и обществом, к которому принадлежала сама и ценности которого разделяла. Мы встречаемся с подобным явлением весьма часто. Разве не все мы стремимся превратить общество и его официальных представителей в носителей проекций из наших негативных переживаний в детстве и наших собственных деструктивных тенденций?

Первая общественная группа любой значимости для ребенка всегда оказывается весьма малочисленной. Как правило, она состоит из самых близких членов его семьи: родителей, родных братьев и сестер, возможно, из близких родственников. Позже она расширяется, включая соучеников по классу, соучастников игр и соседей, в окружении которых проживает ребенок. Случись детям воспринимать родителей как отвергающих их, они часто отвергают их в ответ, даже не сознавая этого. Когда дети достигают возраста полового созревания, их отношение к первой общественной группе — семье — проецируется на общество в целом: общество становится врагом. Уже в первом классе как сама девочка, так и ее родители думают, что учитель настроен к ней враждебно. Поведение учителя, неправильно истолкованное в почти маниакальном виде, становится самоосуществлением пророчества: так как девочка враждебно реагирует на учителя, он относится к ней подобным же образом.

Такой дерзкий, отвергающий аттитюд, который я назвал социальным неврозом, часто наблюдается среди подростков, и его иногда ошибочно принимают за некий вид революционного аттитюда. Однако революционеры, возможно, разрушающие элементы, разрушают для того, чтобы расчистить путь для образования чего-то нового. Они в высшей степени общественные создания, несмотря на тот факт, что общество, которое они предлагают, — несуществующее, но такое, которое вытеснит настоящее. Истинные революционеры предлагают альтернативы. Девушка, историю которой мы теперь обсуждаем, не стремилась к альтернативному общественному устройству. Ее

ценности, как уже утверждалось, были такими же, как у того общества, которое, как ей казалось, ее преследовало. Это был черно-белый мир с существующим обществом, носителем беспросветности ее негативных проекций.

В этих двух случаях, первого мужчины и этой девушки, было бы неуместно говорить о психической инвалидности или психопатии. Нет ничего неоправданного в их личностях. Они проявляют все основные способности, которые можно ожидать от так называемого «нормального» индивида, даже хотя их взаимоотношения с обществом было негативно окрашенным вследствие общественных и семейных установок. При надлежащих обстоятельствах оба оказались бы способными к удовлетворительному развитию. С незначительной помощью со стороны ее друзей девушка смогла бы справиться с некоторыми из своих негативных проекций. Мужчина, обсуждавшийся в первом примере, возможно, испытывал бы случайные трудности при столкновениях с законом, но мог бы жить полезной жизнью внутри своей собственной группы и, может быть, даже приспособился к признанным общественным правилам. Ни в одном из этих случаев мы не обнаружили свидетельства врожденных особенностей, психической инвалидности, психопатии.

Эти две истории представляют две категории, которые часто путают, когда различия между ними становятся нечеткими. Однако они совершенно различны по своей сути. Трудности мужчины в обществе возникли из его этнической предыстории; у девушки — из социально-невротической семьи. Проблема мужчины появилась из-за различий в культуре, в то время как случай девушки можно отнести к нарушенному развитию внутри ее культуры. В ее истории нарушенное развитие отразилось на ее общественных установках.

Третий и четвертый случаи — совсем другое дело. Они представляют особый тип человеческого существа, который, по всей вероятности, должен характеризоваться как некий психический инвалид. Рассматривая их более внимательно, мы вынуждены поставить перед собой основные вопросы, касающиеся человеческой природы: что такое человеческое существо? С чем мы рождаемся и чем овладеваем в течение своего жизненного пути? В последних двух случаях, кажется, мы упускаем что-то основное. Здесь мы не имеем дела с отличающейся культурой или с травматическим детством, несмотря на то, что ни обстоятельства могли бы, разумеется, стать важными факторами. Что-то отсутствует или искалено в душе. Что-то? Эрос?

Человек, жена которого жаловалась: «Мой муж— психопат». был хорошо приспособлен к обществу. Другой мужчина (четвертый случай), которого обвинили в убийстве, был

преступником, открытым врагом общества. В них было что-то общее, хотя оно не было ни приспособленностью, ни несоответствием обществу. Оба являются психопатами. К сожалению, психопатия часто используется в качестве синонима социального несоответствия или преступности. Однако психопатия не характеризуется ни степенью социальной адаптации, ни криминальностью. Если эти оба человека имеют в качестве общего элемента психопатию, возможно, исследование того, что еще является общим для них обоих, приведет нас к лучшему пониманию этой особенной формы инвалидности.

Оба они обаятельны и интеллигентны, и оба легко общаются с другими людьми на поверхностном уровне. Кажется, оба выказывают чувства или, по крайней мере, поступают так, как если бы они обладали чувствами. Мужчина, совершивший преступление, мог проявлять дружеские чувства; однажды он даже спас лебедя, утопавшего в масляной пленке на водной поверхности. Он часто выказывал агрессивные чувства, как например, когда описывал, как избил кого-то до смерти. Господин Социально Приспособленный был также способен выказывать чувства, особенно в отношении к людям, с которыми вел совместное дело. Такие выражения, как например: «Эй, приятель, как славно, что мы встретились», находились у него в употреблении только до тех пор, пока дело шло хорошо. Те, с которыми он вступал в контакт, находили его теплым и дружественным. Другие, кто знал его хорошо, часто чувствовали, что он человек неискренний и пустой.

Оба испытывали трудности при оказании доверия другим и соответственно не были способны на установление долговременных дружеских отношений. Они оба могли вести с кем-нибудь оживленную беседу в течение одной минуты и забыть об этом человеке, как только тот поворачивался к ним спиной. Кажется, их девизом была поговорка «С глаз долой — из сердца вон!» Для них взаимоотношения были кратковременными, проходящими, которые можно было всегда возобновить, если того потребует ситуация. Казалось, они никогда не испытывали потребности достаточно часто проводить время с другими. Они редко писали знакомым — если они пропадали, значит, они пропадали. В случае если знакомый объявлялся после длительного отсутствия, они могли быть с ним по-прежнему обаятельными и славными, как при их последней встрече.

Взаимоотношения не представлялись им чем-то таким, что следует развивать и чем можно наслаждаться, но были просто временными потребностями.

Нравственное начало, казалось, также отсутствовало в обоих. Их никогда не преследовало чувство вины, они никогда не стыдились своих поступков и никогда не

сожалели о делах, которые совершали, даже когда эти действия причиняли боль другим. Оба были лжецами. Речь для них была не средством для выражения истины, но инструментом для достижения того, в чем они испытывали потребность. То, что они говорили, скорее отражало запросы ситуации, чем их собственные мысли или чувства. Для них не существовала концепция истины, а потому никто никогда не мог доверять им, независимо от того, насколько важными были их обещания. Обещание типа «Я навещу вас завтра в больнице» служило не большим признаком того, что таковой визит состоится, чем слова «Я возвращу вам ваши 30000\$ в течение двух недель» означали, что такой платеж когда-нибудь состоится.

Оба мужчины были эгоистичны, думали только о себе, о том, как они бы могли лучше использовать ситуацию для своей выгоды, и что сулила им эта ситуация. Для них было невозможным любить кого-нибудь или заботиться о ком-то, кроме себя самих.

Оба они, и тот, который был хорошо приспособлен к обществу, и другой, который был слабо социально адаптирован, знали, что делали; им были доступны инсайты в свое поведение. В то же время любой такой инсайт был столь же преходящим, какими были их взаимоотношения с другими людьми. Удачливый бизнесмен высказал следующее мнение о своей семейной жизни: «Я действительно чувствую себя виноватым перед женой. Я думаю, что должен уделять больше внимания членам своей семьи. Отныне я буду стараться проводить больше времени с ними. Мы могли бы ходить купаться или бродить по окрестностям каждую субботу. Я понимаю, насколько это важно». Однако, когда наступала следующая суббота, ничего подобного не происходило. Все его понимание оказалось бесполезным, так как никогда не переходило в действие.

Оба мужчины вели относительно нормальную сексуальную жизнь. Оба пережили первый сексуальный опыт между тринадцатью и четырнадцатью годами. Это произошло несколько рановато. В Швейцарии законом установлено, что сексуальные отношения допускаются по достижении шестнадцатилетнего возраста, и большинство мужчин редко получают свой первый сексуальный опыт до этого возраста. Так происходит не из-за подчинения юридическим ограничениям, а вследствие того, что запреты и угрызения совести, связанные с сексуальностью, удовлетворительно действуют только в возрасте между шестнадцатью и двадцатью годами. Эти двое не имели угрызений совести. Для них сексуальность была способом удовлетворения потребности, весьма похожей на то, как человек выпивает стакан воды для удовлетворения жажды. Оба выявили скрытые тенденции к полиморфной извращенности, иными словами, для них не имело значения, каким образом следует удовлетворять свои сексуальные желания,

гетеросексуальным или гомосексуальным, а бизнесмен был склонен еще и к садизму. Разумеется, их никогда не беспокоила собственная сексуальность. Хотя оба были вполне потентны, но сексуальность, кажется, мало что значила для обоих; она не была для них ни позитивной, ни негативной. И каждый из них мог бы сказать, что его сексуальность безупречна, что в ней нет и намека на какие-либо проблемы.

Их отношение к реальности было положительным. Ни один из них не страдал от заблуждений или иллюзий любого рода. Убийца был чрезвычайно недоверчив и то и дело оправдывал свое собственное агрессивное поведение, приписывая истоки его мотивациям и намерениям окружающих, что на самом деле не соответствовало действительности. Как правило, он был способен воспринимать действительность такой, какой она и была.

Ни один из них не был невротиком. Ни один не выказывал особых беспокойств, побуждений или невротической капризности. Только наиболее исчерпывающие психологические исследования смогли обнаружить всего лишь следы невроза. До определенной степени оба мужчины отличались отменным здоровьем. Они хорошо ели и спали и просыпались каждое утро, чувствуя себя освеженными и готовыми к действиям. Ни один из них не был душевнобольным. Ни один не проявлял резко выраженных или очевидных психологических симптомов. Их неспособность к формированию продолжительных взаимоотношений, к посвящению себя другой личности была настолько явной, что можно было бы с легкостью предположить, что это затруднение, в конечном счете, могло быть результатом некоторого рода душевного расстройства.

Внимательный взгляд на жизненные истории этих двух людей обнаруживает нечто чрезвычайно любопытное: кажется, они не пережили никакого психологического развития. Они оставались шестилетними в возрасте и десяти, и двадцати, и тридцати лет. По крайней мере, так утверждают те, кто хорошо их знал. Один был всегда вежливым и ненадежным, другой — грубым и агрессивным. Одноклассник, знавший бизнесмена в пятнадцатилетнем возрасте и встретивший его пятнадцать лет спустя, сказал: «Он все еще такой же. Не изменился ни на йоту». Одному из знакомых даже показалось, что их лица сохранялись неизменными в течение многих лет, оставались гладкими, без морщин, как если бы прошествие времени не оказало на них никакого впечатления, не оставило никаких следов психического развития любого вида. До некоторой степени все мы остаемся неизменными: наш соученик по шестому классу, с которым мы встретились тридцатью годами позже, выглядит на удивление таким же,

каким мы его запомнили. И все же это только одна сторона нашего переживания других, так как мы, кроме того, видим, насколько изменился этот человек. Каждое переживание оставляет свою метку: учащиеся выпускного класса школы часто выглядят заметно изменившимися после ее окончания, а многие мужчины и женщины быстро изменяются после вступления в брак.

Оба мужчины могли действовать так, будто они заботились о других. Можно сказать, что они были весьма одаренными актерами, которым легко удавались благородные жесты. Однажды, когда бизнесмен все еще учился в университете, он, придя в гости, преподнес хозяйке дома огромный букет. Как оказалось позже, он украл цветы из соседского сада. В другой раз он пришел с большой коробкой шоколада, купленной на деньги, взятые в долг у друга и никогда ему не возвращенные впоследствии. Таковы были его «благородные жесты». Убийца оказался любителем животных, он приходил в ярость, когда бы ни увидел, что животные страдают или подвергаются наказаниям. В местной газете даже появилась статья, написанная о нем в связи с его преданностью животным.

Оба мужчины были способны к имитации действий, выражавших нравственность (я уже говорил, что они были талантливыми актерами) и действовали до такой степени искусно, что люди верили им. Здесь мы сталкиваемся с тем же вопросом, который неожиданно возникает при размышлениях об актерах. Любой играющий определенную роль должен понимать ее. Но какой степени достигает такое понимание? Влияет ли оно на образ жизни этого человека? Я не знаю об этом в отношении актеров, но точно знаю, что эти два человека могли играть роли «благородных людей» без всякого представления о том, что вообще означает слово «благородство». Часто казалось, что они способны пожертвовать собственными интересами. Тот, который подарил хозяйке дома букет, иногда подвергался порывам щедрости. Будучи студентом, он познакомился в Цюрихе с беженцем, которому отдал свои последние сто франков, хотя и сам находился в стесненных финансовых обстоятельствах. Этот жест был впечатляющим. На следующий день он позаимствовал у другого студента двести франков, которые никогда ему не вернул.

Будучи бизнесменом, он мог произносить наиболее трогательные и волнующие речи. На приеме по случаю свадьбы друга он подарил невесте книгу стихов в кожаном переплете. Он объяснил при этом, что увидел эту книгу и восхитился поэмами, когда впервые побывал в гостях у друга. Он унес книгу с собой, намереваясь вернуть ее позже. Тем временем он так привязался к ней, что просто был не в силах расстаться с

нею. Кроме того, она стала для него символом взаимоотношений с другом. «Но теперь, — продолжал он, — когда мой друг женился, естественно, что просто уместно возвратить книгу его новобрачной как символ его дружбы». Слезы навернулись ему на глаза, когда он обратился с этими словами к невесте и жениху. Все гости были глубоко растроганы. Подлинная история, однако, весьма отличалась от рассказанной. Он украл книгу из библиотеки родителей друга, так как должен был написать школьное задание в виде отзыва о ней. Случайно наткнувшись на нее за день до свадьбы, он решил вернуть книгу и таким образом избавить себя от расходов на покупку свадебного подарка.

Я описал здесь две истории: успешного бизнесмена и зверского убийцы. На первый взгляд, эти два человека кажутся абсолютно непохожими. Я подчеркивал их сходства, но оставил нечто другое, что было у них общим: оба эти человека — обуза для общества. Эта мысль очевидна в отношении убийцы, но в равной мере столь же весома в случае бизнесмена. Его семья, партнеры, коллеги и знакомые были разочарованы, обижены и оскорблены, но не преступными деяниями, а его эгоизмом, отсутствием сочувствия и неспособностью любить. Фактически, выказывавшими заботу о нем оказались те, кого он более всего обидел.

Мы все знаем мужчин и женщин со свойствами, похожими на те, которыми обладали эти два человека. Здесь необходимо сделать предупреждение. Я вовсе не собираюсь заниматься нравоучениями. Я — не фарисей. В мои намерения не входят беседы о «нас» в отличие от «них», психопатов. Я озабочен значимостью психопатии для человеческой психологии в целом. Люди, которых я описал, значимы для всех нас как психологическое явление, так как каждый страдает от этой формы психической инвалидности, называемой психопатией.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПСИХОПАТЫ В ЛИТЕРАТУРЕ

Психопатическое поведение часто становится темой литературных произведений, предметом, особенно привлекающим писателей. Одним из авторов восемнадцатого столетия, внимание которого привлекало это явление, был Даниэль Дефо, автор Робинзона Крузо. Он также написал Молль Флендерс — историю женщины, попадавшей из одного приключения в другое то как воровка, то как проститутка, а иногда и в некоем другом качестве. С помощью лжи и мошенничества она всегда умудрялась выбираться из любой ситуации. Казалось, она всегда улучшала свое положение, но чем больше она

«улучшала» его, тем более ухудшалась ее нравственность. Однажды, например, она призналась одному из своих покровителей в том, что была ужасной женщиной и глубоко раскаивается в совершенных дурных поступках. По щекам ее струились слезы; собеседник был тронут ее признаниями — беспечная снисходительность с его стороны, так как она использовала эту возможность для того, чтобы освободить его от бумажника.

Любопытно, что Дефо, кажется, встает на защиту своей героини, описывая ее таким образом, что читатель не может не симпатизировать ей. Читая эпизод, в котором она выкрадывает бумажник у своего благодетеля, человек думает: «И поделом этому старому, сентиментальному дураку! Он заслуживает того, чтобы его обокрали!» Наши симпатии возникают вопреки нравственному противоречию. Я обязательно скажу более подробно об этом позже.

Оскар Уайльд предлагает глубоко прочувствованное описание психопата в романе Портрет Дориана Грея. В романе портрет, изображающий главного героя, хранится на чердаке. Поведение главного героя романа ужасно, он совращает молодых женщин, предаёт друзей и т. д. и т. п. Однако он совсем не стареет. Его лицо остается неизменным, лицом прекрасного молодого человека. Только портрет на чердаке поддается воздействию времени, становится все безобразнее и безобразнее, пока однажды Дориан Грей не протыкает его ножом и не умирает. Портрет проходит процесс трансформации, в то время как оригинал делает все, что хочет, оставаясь неприкосновенным и не наказанным за свои деяния. Он не знает ни страха, ни печали. Следует заметить, что страх и печаль — две эмоции, чуждые психопатам; но этой причине из них часто получают героические воины.

Карьерист-психопат — тема романа Мопассана Милый друг (Belami). Белами, герой романа, не способен к любви, но строит свою карьеру с помощью женщин, притворяясь влюбленным. Циничный и безнравственный, он выдает себя за возмущенного моралиста в статьях, которые пишет в качестве журналиста. Единственное, что значимо для него — это успех и признание общества. Ничто не имеет большего значения для таких безнравственных и асоциальных индивидов, чем признание общества, — парадокс, о котором еще многое будет сказано.

Однажды меня спросили, можно ли рассматривать личность Рас-кольникова из Преступления и наказания Достоевского как психопата. В то время как ответ должен быть отрицательным, я испытываю искушение сказать, что Раскольников был молодым человеком, пытавшимся стать психопатом, сомневающимся в силе своих нравственных

убеждений и безуспешно пытавшимся их превозмочь. Он был весьма нравственной личностью. Он убил старуху — беспомощную, вечно недовольную, неприятную ведьму, бесполезную для себя самой и для всех. Раскольников пытался убедить себя, что смерть старухи никому не принесет горя, ведь она была столь бесполезным созданием. Он начал чувствовать себя виновным, был осужден и признал свое наказание справедливым. Он — вообще не психопат, даже хотя и совершил преступление; убийство старой женщины не было поступком психопата. Он был заморожен этим деянием, ужасом убийства, использовал его для исследования того, что в действительности представляют собой нравственность и гуманность. В этом заключается его отличие. Не сам поступок делает человека психопатом, но его отношение к поступку. Жестокое убийство старой женщины можно было бы легко истолковать как психопатическое. Однако все зависит от того, в каком умонастроении человек совершил это деяние. Даже наиболее очевидное безнравственное деяние может отражать высоконравственные убеждения, как это и было в истории с Раскольниковым.

Дело Раскольникова может быть экстремальным примером, но у подростков мы замечаем подобные попытки исследовать природу нашей нравственности, открыть для себя, что в действительности представляет собой нравственность. Несомненно, большинство из них прерывают эксперимент прежде, чем он достигнет апогея убийства. И в наше время множество юношей совершают поступки, кажущиеся психопатическими, но которые более точно следовало бы классифицировать вместе с поиском мотивации и расследованием своего поступка Раскольниковым. Это — поступки, вызванные намерениями исследовать границы и пределы постижимое™ человеческой нравственности.

Начиная со своего зарождения, литература описывала эту любопытную форму инвалидности, которую мы называем психопатией. Разумеется, наше влечение к этому явлению проистекает из того факта, что когда мы исследуем психопатию, то узнаем о наших собственных психопатических натурах, осознаем свою инвалидность и пределы своих возможностей. Она вынуждает нас обдумывать, почему мы не безнравственны, вопреки тому, что внутри нас существуют тенденции к аморальности. Мы рассматриваем свои чувства, вопрошая себя о природе этики и любви. Психопатия — инструмент, с помощью которого мы лучше понимаем самих себя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРМИНА «ПСИХОПАТИЯ»

Разумеется, психопатия как явление столь же стара, как само человечество, и каждый считающий человеческие существа в основном нравственными вынужден иметь дело с неприятными, безнравственными аспектами, находящими свое выражение в каждом из нас. Возможно, одно из самых ранних описаний психопатии находится в Библии, в книге Второзакония {Deuteronomy} 21:18-21:

Если у кого будет сын буйный и непокорный, не повинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их: то отец его и мать его пусть возьмут его и приведут его к старейшинам города своего и к воротам своего местопребывания, и скажут старейшинам города своего: «сей сын наш буен и непокорен, не слушает слов наших, мот и пьяница»: тогда все жители города его пусть побьют его камнями до смерти: и так истреби зло из среды себя, и все Израильтяне услышат, и убоятся. (Канонический текст, перепечатан с Синодального издания.)

Сын, описанный в этом отрывке, должно быть, представлял случай, в котором не было места надежде на изменение или улучшение, иначе родители не были бы вынуждены предать его смерти. Именно такая безнадежность вызывает в нас подозрение, что в этом отрывке из Библии речь идет о психопатии. Представление о безнадежности вызывает образ «вечного проклятия», концепции, возможно, относящейся к психопатической области человеческих созданий, существующей в двух вариантах.

Первый заключается в том, что встречаются люди или определенные свойства людей, от которых невозможно уберечь или вылечить; второй состоит в том, что религия человечества или мифология всегда создавали определенных индивидов, которые, по необходимости, предавались проклятию. Так, кальвинистская доктрина предопределения представляет собой пример второго варианта безнадежности.

Классическая концепция Ада могла бы вполне предназначаться для психопатов. Но она, кроме того, выражала психопатическое свойство верующих, которым не помешало бы принять решение относительно того факта, что в то время, как они поют вместе с небесными певчими, грешники, осужденные на вечные муки Ада, страдают от его огня и серных паров. Ведь только после Французской революции доктора, и не обязательно богословы, обратили свое внимание на психопатию. Предполагается, что прославленный психиатр Филипп Пинель (1745 - 1826), высвободивший душевнобольных из темниц, в которые их заключали, первым описал психопатию как

некое психиатрическое явление. Пинель говорил о *emportement maniaque sans delire* (маниакальных вспышках гнева без помешательства), диагнозе, предназначенном для описания людей, не выказывающих классических симптомов умственного расстройства, но поведение которых отмечено проявлениями жестокости, преступности, сексуальными извращениями, алкоголизмом, наркотической зависимостью, безответственностью и безнравственностью. Пинель обнаружил, что эти индивиды обычно обладали довольно высокими умственными способностями, они были «рассудительными», могли ясно мыслить, но что-то с ними было не совсем «в порядке». Сначала он полагал, что душевная болезнь не может не содержать заблуждений, иллюзий и видоизмененного сознания. Однако затем он обнаружил случаи, в которых не наблюдалось ни одно из обычных расстройств мышления и восприятия, но отмечались нарушения чувств и представлений о нравственности.

Жан Этьен Доминик Эскироль (1772 - 1840), один из учеников Пинеля, ввел понятие *folie raisonnée* (сумасбродного поведения) или *folie morale* (нарушения нравственности), определявшегося как *trouble altérations de la volonté et des sentiments, l'insensibilité conservant son intégrité* (изменение смысла понятия и чувства при сохранении целостности умственных способностей). Первоначально синдром наблюдался у преступников. В 1835 году английский психиатр Джеймс Причард (1786 - 184) писал о «нравственном безумии» и о «нравственном тупоумии». Причард полагал, что существуют индивиды, страдающие наследственным отсутствием чувства нравственности.

Когда сегодня мы слышим термин «психопатия», где-то в глубине нашего разума возникает понятие «нравственного безумия», даже если нас не знакомили с историей психиатрии. История возникновения и развития многих психиатрических терминов все еще имеет большое значение в нашем современном понимании психиатрии. Позади «шизофрении» притаилось *dementia praecox* (раннее слабоумие), которое, прежде чем это состояние переименовал Блейлер, означало некое расстройство, начинавшееся у людей смолodu и кончавшееся полной потерей разума в старости. Это явление ответственно за множество дополнительных негативных оттенков, сопровождающих термин «шизофрения» в наше время.

Когда Джеймс Причард говорил о «нравственном безумии», он имел в виду умственное расстройство, в котором так называемые «естественные» чувства, аффекты и настроения были извращены. Он наблюдал некую путаницу в моральных понятиях всей личности, притом, что она отсутствовала в умственных свойствах индивида. Он был

поражен наличием средних или даже сверхсредних умственных способностей у этих личностей. Он был убежден в том, что существует столь же много видов «нравственного безумия», сколь много насчитывается разновидностей чувств и эмоций. Он верил в то, что каждое чувство может быть разрушено соответственным извращением, и, следовательно, существует основание говорить о «нравственном безумии». Хотя эти разнообразия чувств или нравственных извращений вызваны неправильным или неуместным мышлением, согласно Причарду, страдающие таким безумием индивиды, независимо оттого, насколько они возмутительны и омерзительны, оказываются умственно здоровыми.

Очевидно, Причард описывал явление, подобное тому, которое я обрисовал в третьем и четвертом случаях. Но те шесть случаев, которые привел Причард в доказательство своей теории, как мы теперь понимаем, не представляли нравственное безумие. Один из описанных им случаев оказался неуточненным видом психоза; другой — шизофренией. Третий представлял маниакальную депрессию, в то время как четвертый пациент был болен сифилисом. В двух оставшихся примерах у больных позже развились симптомы тяжелых маниакальных невротозов. То обстоятельство, что ни один из случаев «нравственного безумия», представленных Причардом, не оказался таковым, несколько не умаляет значения его выдающихся исследований.

Мы полагаем, что, как правило, ученые или врачи приходят к определенным выводам и устанавливают соответствующие теории на основании своих наблюдений. У меня создалось впечатление, что все происходит в обратном порядке. У кого-то появляется идея, — в психиатрии наиболее вероятно ее рождение на основе самонаблюдения, — после чего он пытается найти ей поддержку в том, что он наблюдает. Его может постигнуть неудача, если он поместит свою идею или теорию в область, не имеющую отношения к его выводам. Именно так произошло с Причардом, назвавшим индивидов «нравственно безумными», хотя, даже согласно его собственному определению, они страдали не от этого заболевания. Следовательно, не столь важно то обстоятельство, что Причард неправильно диагностировал описанные им случаи. Его концепция все равно может найти применение и является значимой для психологии.

В Соединенных Штатах Бенджамин Раша (1745 -1813) назвали первым американским психиатром, осознавшим явление психопатии. Он был великим реформатором американских заведений для душевнобольных, но даже у великих реформаторов бывают свои темные пятна. Он изобрел вращающийся стул, в который усаживали пациента, и этот стул вращали до тех пор, пока у него не возникало жуткое

головокружение, — довольно жестокий метод терапии. Предполагалось, что некоторые пациенты вылечивались таким методом. Раш считал, что могла заболеть Воля, и что существуют индивиды, которые, вопреки нормальности их умственных и других способностей, могут страдать от заболевания Воли. Он описал случаи, в которых наблюдалось нарушение представления о нравственности, но умственные способности были весьма высокими. Он был потрясен наблюдениями над людьми, которые, подобно описанному выше убийце и бизнесмену, были разумны, могли участвовать в беседах на приятные темы, мгновенно постигали нравственные аспекты любой дискуссии и в то же время могли поступать самым безнравственным образом в ущерб другим людям. Почему же людей, подобных Пинелю, Эскиролю, Причарду и Рашу, столь притягивало то состояние, которое они описывали как *emportement maniaque sans delire* (маниакальные вспышки гнева без помешательства) или как «нравственное безумие»? Все они жили в конце Века Просвещения, в том времени, когда умственные способности, рациональность и способность к мышлению рассматривались как определяющие характеристики человечества. Умственная способность расценивалась как высшее и наиболее присущее человеку качество. Если умственные способности, если разум человека были в порядке, то эти просвещенные люди думали, что и остальная часть человеческого существа должна быть в порядке и функционировать нормально. Согласно их философии, невозможно, чтобы человек мог мыслить должным образом и поступать безнравственно, — такая мысль противоречила их представлению о человечестве. Предполагалось, что нравственные качества и способность жить и трудиться в гармонии с обществом происходят из правильно функционирующего разума. Нравственность считалась связанной с умственными способностями или их следствием. Перед наступлением эпохи Просвещения нравственность рассматривалась как некое откровение. Соответственно, существование индивидов с нормальным разумом и извращенной нравственностью поражало и озадачивало этих сыновей Просвещения.

Хотя это происходило сто пятьдесят лет тому назад, до сих пор идея связи нравственности с умственными способностями в равной степени преследует мышление врачей и юристов. Время от времени некий газетный репортер пишет, что «...особенно поразительно было узнать, что столь разумный человек мог совершить столь криминальный поступок». Или можно услышать выражение: «Как могло случиться, что он вел себя столь плохо, будучи столь умным?» Откровение о том, что разумные индивиды могли совершать безнравственные или асоциальные поступки, было столь

поразительным парадоксом для эпохи Просвещения, что вызвало пересмотр всей проблемы зла и разрушения как бесспорно зависящей от концепции нравственного безумия. Результаты этой деятельности до сих пор остаются очевидными в нашем уголовном кодексе.

Основная концепция уголовного кодекса заключается в утверждении, что индивиды с психическими отклонениями не являются ответственными за свои деяния.

Возникновение этой идеи прослеживается до Римского законодательства, которое, распространившись по всей Европе, постепенно утратило влияние на практику уголовного законодательства к концу Средневековья. Однако попытки внедрения в судебные ситуации концепции «нравственного безумия» и возможные осложнения при судопроизводстве становились почти бесчисленными. Нарушитель закона наказывался по многочисленным причинам, одной из которых явилось устрашение. Другая причина, о которой мы часто забываем. — это отмщение. В случае если тяжкое преступление осталось бы ненаказанным, неотомщенным, средний законопослушный гражданин почувствовал бы разочарование и ярость. Преступления, подобно грехам, не могут оставаться неотомщенными, не составляя угрозы существованию человечества. Искупление вины также представляется важным элементом наказания. Совершено нечто нравственно неоправданное, и преступник должен раскаяться и искупить свою вину за этот поступок, прежде чем его восстановят в правах. Устрашение, покаяние и расплата (хотя и не отмщение) заранее допускают свободный выбор. Предполагается, что лица, совершившие преступления, способны осознать, что сделали что-то неблагоприятное, а потому способны реагировать на это в соответствии с собственными представлениями. Если они не сознают своего прегрешения, то устрашение, расплата и покаяние — а также основание для наказания — оказываются совершенно бессмысленными.

Что же тогда происходит, если эта концепция нравственного безумия применяется к осуждению за криминальные поступки? Начинают сотрясаться основания всего уголовного кодекса. Если моральное состояние индивидов может быть признанным «нравственным безумием», они далее не могут нести ответственность за свои поступки и потому не могут быть наказаны. Даже если такие преступники способны мыслить нормально, действовать разумно и отличать реальность от нереальности, они не могут быть подвергнуты наказаниям, так как их осознание нравственности признано болезненным, нарушенным и неполноценным. Так как оказывается, что большое количество преступников страдают от нравственной неполноценности, при

окончательном решении лишь ограниченное число их могло бы считаться наказанными справедливо. Конечный результат мог бы заключаться в том, что только нравственно одаренные личности могли бы или должны бы подлежать наказаниям.

Концепция нравственного безумия явилась причиной волнений в среде ученых. Многие потрясли предостерегающим перстом и указывали на то, что такое представление подрывает основы всей нашей социальной структуры и угрожает закону и нравственному порядку. Каждый неправомерный поступок, как они утверждали, мог бы в будущем истолковываться как выражение нравственного безумия и таким образом сводить на нет наказание любого вида. Они настаивали на том, что «нравственное безумие» могло бы послужить поводом для оправдания наиболее гнусных преступлений и защиты злодеев от возмездия. Впоследствии многие психиатры ограничили применение термина «нравственное безумие» только случаями, в которых наличествовало повреждение головного мозга. В случае если преступное деяние и так называемое нравственное безумие не являлись последствиями повреждения головного мозга, к примеру, произошли из-за опухоли или от высокой температуры, поступок не должен быть прощен на основании душевной болезни, а потому должен быть наказан соответствующим образом.

Духовенство и влиятельные богословские круги боролись с концепцией нравственного безумия, полагая, что величайшим испытанием человечества является нравственная жизнь, повиновение Десяти Заповедям. Если бы кто-то постановил, что соблюдающие Десять Заповедей здоровы, а все остальные — больны, то вся нравственно-религиозная система рухнула бы как карточный домик. Вам бы более не пришлось нести ответственность за свое существование; каждый мог бы просто сослаться на свою болезнь.

Я упомянул об уголовном законодательстве, для того чтобы показать, что представление о нравственном нездоровье, предшественнике психопатии, бросает вызов многим нашим психологическим, а также и личным представлениям. Оно подвергает опасности нашу нравственную систему, наше юридическое законодательство и образы нас самих как нравственных существ.

В начале девятнадцатого столетия душа считалась однородной целостностью. Однако представлению об однородности души пришел конец, когда в результате наблюдений обнаружилось, что в то время как личность обладала здоровым разумом, она могла страдать из-за некой нравственной недостаточности. Сегодня мы можем считать шок и удивление живших в те времена чем-то любопытным. Большинство современных

психологов полагают, что душа состоит из многих различных частей. Однако для ученых, живших в те времена, концепция неоднородности души была подобна землетрясению. Следует помнить, что в эпоху Средневековья люди убеждались в том, насколько раздробленной на самом деле является душа. Существовали разговоры о душе, одержимой демонами, и об ангелах, защищающих ее. По крайней мере, феноменологически фрагментарность души описывалась подробно.

Следует признать, что понимать, что душа одержима демонами, и признавать, что этот демон есть часть души одержимого, — это разные вещи. Вера в демонов и ангелов была еще и признанием того, что человеческая душа должна пониматься как разносторонняя, неоднородная целостность. Затем наступила эпоха Просвещения, и от демонов и ангелов отрекались в пользу единства души, — веры, разделяемой многими и в наши дни. Для эпохи Просвещения вера в целостность души была достижением, вехой на пути человеческого прогресса и развития.

Исследователи, убежденные в существовании такого явления как «нравственное безумие», настаивали на уместности дискуссии о нравственных способностях. Чувство нравственности понималось как наличие дара, количество которого могло быть большим, средним или малым, но который также мог быть нарушенным или отсутствовать вообще. Противники концепции нравственного безумия утверждали, что чувство нравственности нельзя отделить от умственных способностей. Они пытались доказать, что в каждом случае нравственного безумия разум рассматриваемой личности был поврежден. Им никогда не удавалось добиться успеха в таких попытках, но они не сдавались.

Защитники теории нравственного безумия даже пытались применить френологию для поддержки своей аргументации. Френология — псевдонаука, в которой свойства души можно определить на основе очертаний лица и черепа. Если, например, затылочная часть черепа велика, это указывает на высокую степень нравственности личности. Если же эта часть черепа не отличается большим размером, френологи верили в то, что личность характеризуется лишь минимальной нравственной способностью. Френология до некоторой степени практикуется и в наше время. Люди с большими лобными частями черепа считаются умными, в то время как обладателей низких лбов признают невежественными. Даже мнение о том, что уплощенность затылка указывает на отсутствие нравственности, признается справедливым некоторыми нашими современниками. Использование френологии для поддержки концепции нравственного безумия — результат мышления, не выходящего за пределы логического круга. Если вы

можете сказать на основании оценки формы черепа, имеет ли человек нравственные способности, вы должны сделать вывод о существовании такого явления как нравственные способности.

Сторонники нравственного безумия сделали следующий шаг: нравственные способности, провозгласили они, — это нечто, с чем человек рождается. Вы либо одарены нравственно, либо лишены этого дара от рождения. «Слова, слова, слова», — отвечают оппоненты. «Умственные способности и нравственность ничто иное как только слова и никоим образом не соответствуют физической или психической реальности. Мы описываем различные аспекты души словами, поскольку они — единственные инструменты, имеющиеся в нашем распоряжении. Однако в действительности душа однородна, даже если мы пользуемся словами для наклеивания ярлыков на различные ее "части"».

В течение девятнадцатого столетия физические указатели нравственного безумия становились все более значимыми. В] 878 году французский врач Монц Жустер (Monz Gouster) предположил, что «случаям нравственного безумия» присущи асимметричность черепа и большие уши. До сих пор существуют люди, верящие в то, что слишком большие уши — признак негативных свойств характера. Дискуссия достигла пика перед концом девятнадцатого века, во время конференции Итальянского френологического общества в Риме. Темой конгресса являлось «Нравственное безумие». Многие из того, что мы знаем сегодня о психопатии, и все, что девятнадцатый век должен был сказать на заданную тему, было рассмотрено на этом конгрессе. Большинство его участников понимало «нравственное безумие» как определение личности, разум которой мог постичь идею нравственных или общественных обязательств, но которая не могла соотносить себя с этими ценностями или жить в соответствии с ними. Участники конгресса согласились с тем, что такое явление существует, но объяснение его — совершенно другой вопрос.

Некоторые рассматривали нравственно нездоровую личность как почти идентичную прирожденному преступнику, описанному итальянским криминологом Чезаре Ломброзо (1836- 1909). Нравственное безумие должно было рассматриваться как некий атавизм. Оно считалось не столько болезнью, сколько уродством, имеющим место быть в случаях недостаточного развития мозга или в результате болезни, или по какой-то другой причине. Как результат такого отсталого развития мозга, индивид был не способен к эффективному формированию нравственного восприятия и к осознанию его значимости. Несколько сомнительным способом Ломброзо отличал прирожденного

преступника от нравственно безумной личности. Последнему, по его мнению, просто не хватало психических компонент, определяющих нравственность. Ломброзо ощущал, что прирожденный преступник должен определяться понятием дегенерата с разрушенными и выродившимися нравственными способностями. Далее Ломброзо утверждал, что прирожденный преступник характеризуется выдающейся челюстью, большими ушами и низким лбом. Эти признаки не относятся к нравственно больным. Прирожденный преступник обычно левша и проявляет высокую степень развития координации движений. Последнее наблюдение особенно интересно, так как в наше время мы часто наблюдаем у психопатов, «потомков» нравственных безумцев отличную координацию.

Карло Боньомо (Carlo Bonuomo), другой итальянский врач, был сторонником другой точки зрения. Он верил в то, что наши нравственные и общественные чувства являются просто продуктом нашего общества. Он придерживался мнения, что чувство нравственности зависит от культуры, в которой воспитывался индивид. Такое воззрение объясняет, почему различные классы общества придерживаются различных моральных ценностей. Идея Боньомо о том, что наши нравственные ценности являются просто результатом воздействия нашей среды — распространенное мнение и сегодня, оно находит много защитников. Боньомо был даже более точным, утверждая, что нравственное безумие возникает благодаря неправильному воспитанию. Это заявление должно показаться нам знакомым: «Во всем виноваты родители».

Все эти психиатры и врачи добросовестно относились к своим наблюдениям и твердо верили в то, что пришли к своим теориям на их основе. Глядя на публикации их трудов сегодня, мы сразу можем понять, сколь сильно превалировала в них фантазия.

Очевидно, эти исследователи не извлекали свои идеи просто из наблюдений, но измеряли криминальность на основании костей челюсти; те, которые не отличались выступающими вперед челюстями, не могли, следовательно, быть преступниками. В ретроспективе мы можем понять, сколь часто ученые девятнадцатого столетия смешивали реальность с фантазией. Другие примеры исходят из Соединенных Штатов, где исследователи утверждали, что только белые, англо-саксонские протестанты, могли страдать от нравственного безумия. Теперь мы знаем, что это не совсем так. Однако белые, англо-саксонские протестанты, были единственными объектами, обследовавшимися этими учеными, следовательно...

В Англии Джозеф Виглесворт утверждал, что нравственное безумие можно обнаружить лишь в цивилизованных культурах, но не в так называемых примитивных, так как все

примитивы нравственно нездоровы. Иной способ оценки этого утверждения заключается в выводе, что морально больные — это наши «примитивы». Виглесворт полагал, что все человеческие существа первоначально характеризовались отсутствием нравственности, качества, которого они достигли в процессе культурного и общественного развития. Исследователи, соглашавшиеся с этой и подобными ей теориями, обладали лишь ограниченными знаниями психологии так называемых примитивов. Сегодня мы осознаем, насколько абсурдно отношение к примитивным культурам как к морально больным или психопатическим.

Мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что я вовсе не рассматриваю смешивание фантазии с наблюдениями, введение фантазии в наблюдаемые реальности как нечто незаконнорожденное. Уже многое написано о необходимости присутствия субъективности в психологической и психиатрической работе. Девятнадцатое столетие и начало двадцатого оказались весьма плодотворными в областях психологии и психиатрии именно по той причине, что исследователей не слишком заботила точность их методологий или смешение фантазии, проекции и так называемых «голых» фактов в их практике. Однако с порога нового века фантазии и необузданные теории начали все чаще замещаться более обоснованными, научными и эмпирическими методами. Шокирующий термин «нравственное безумие» под немецким влиянием превратился в менее резкую «психопатическую неполноценность», а затем, уже окончательно — в психопатию.

Развитие диагноза «психопатия» по-разному происходило в англоговорящих странах и в Германии. В то время как немцы ассоциировали это состояние в большей степени с криминальностью, англичане и американцы пользовались более широко обоснованным представлением об этом синдроме. Адольф Мейер (1866 - 1950), швейцарский психиатр, работавший в Америке, ввел термин «органическая неполноценность». В 1914 году Карл Бирбаум писал о «психопатических преступниках». Умственные способности таких индивидов могли быть очень высокими, и они могли как-то возмещать отсутствие нравственного восприятия и даже до какой-то степени позволяют развить в них социальную адаптацию. Эмиль Крепелин (1856-1926), часто называемый Канцлером Немецкой Психиатрии и из-за своего восхищения Бис-марком получивший прозвище Железного Канцлера, описывал психопатов как существ «неполноценных в эмоциональной жизни и в развитии своей воли». Он заявлял, что жизнь оказывалась трудной для них из-за свойственных им недостатков в сферах эмоций и проявления воли. По его мнению, психопаты проявляли отсутствие умеренности во всех сферах

своей личности.

Мой взгляд на психиатрию в целом и на психопатию в особенности сформировался под влиянием Блейлеров, Юджина и Манфреда. В опубликованном в 1955 году учебнике по психиатрии Манфред, бывший тогда главой персонала Кантональной психиатрической больницы в Цюрихе, Бургхольцли (Burghoehli), дал описание психопатии, в наибольшей степени одобренное другими. Его отличает ясность и краткость формулировок. Он пишет, что психопатия — «врожденная разновидность характера, приводящая к затруднениям в отношениях с обществом и к личному страданию». Из этого определения видно, насколько шире стал этот термин. Он больше не отождествляется с нравственной несостоятельностью, которая ранее представлялась единственной возможностью возникновения синдрома. Манфред Блейлер рассматривал психопатов как людей, которые от рождения оказываются странными или непредсказуемыми, и эти их свойства вызывают осложнения как для самих таких личностей, так и для тех, кто находится в их окружении. И все же не природа характера такого человека делает из него психопата, но его характер вызывает как личное страдание, так и социальные проблемы. Блейлер подчеркивает, что, хотя может случиться так, что психопаты представляют собой ничто иное как продукт своего окружения, суть состоит не в этом. Как правило, продолжает он, психопаты с самого начала оказывают негативное влияние на свое окружение, хотя справедливым может оказаться и обратное утверждение. В детском возрасте психопаты могут устанавливать личные контакты со своими матерями только в ограниченных пределах и по этой причине могут оказаться отвергнутыми ими. Они отнюдь не становятся психопатами из-за того, что их отвергли их матери, — все происходит совсем наоборот. Их отвергают, потому что они психопаты, и что-то в их характерах вызывает отвращение у окружающих. Далее Блейлер указывает на то, что мозговые травмы, вызванные болезнью или несчастным случаем, могут сказаться в возникновении синдромов, подобных психопатическим. Разумеется, обратное утверждение несправедливо: люди, страдающие в результате мозговой травмы, не всегда проявляют психопатические свойства. Я указываю на это обстоятельство вовсе не из-за его теоретического значения. Минимальное повреждение мозга может часто диагностироваться у детей с поведенческими проблемами, но это совсем не означает, что они — психопаты. Как я уже упоминал, Блейлер подчеркивает врожденное происхождение психопатического характера, явление, представляющее интерес не только в связи с психопатией, но и для всей психологии в целом. Рождаемся ли мы подобными *tabula*

gasa (чистой доске), которую Джон Локк, английский философ семнадцатого века, описывал как комочек теплого сургуча, на котором время и переживания оставляют свои отпечатки? Или характеристики, свойства и особенности каждой личности уже присутствуют в ней ко времени ее рождения? Который из факторов имеет большую значимость для человеческого развития: наследственность или влияние окружения? Суть этого вопроса сконцентрирована в английском выражении Nature against Nurture (природа вопреки воспитанию). Постановка этого вопроса в форме «или/ или» мне кажется непсихологической. Если бы было возможно объяснить нашу личную уникальность наследственностью и влиянием окружающего мира, кажется, не оставалось бы места для независимости души. Должен существовать другой фактор, третий элемент, который не наследуется и не объясняется на основе внешнего влияния.

В своем учебнике по психиатрии Блейлер представляет список различных типов психопатов. Я должен напомнить читателю, что английский психиатр Причард полагал, что существует столь много форм «нравственного безумия», сколь много существует различных свойств характера. Немецкие психиатры также устанавливают длинные перечни различных видов психопатов. Мне бы хотелось кратко описать те типы, которые записал Блейлер, для того чтобы представить идею того, что называется психопатическим поведением.

Существуют так называемые неустойчивые психопаты, те, которые подчиняются малейшему влиянию, изменяющие свои мнения в течение одной минуты, и на которых нельзя полагаться. Они подобны сухим листьям на ветру, дующем с переменных направлений. Блейлер также описывает типов, добивающихся внимания к себе, всегда старающихся казаться лучшими, чем они есть на самом деле. Часто это мошенники, злоупотребляющие доверием, или самозванцы, они ни- когда не страдают от угрызений совести. Существуют также так называемые чувствительные психопаты, до некоторой степени похожие на «чувствительную» форму характера, описанную Кречмером. Это люди, которых легко обидеть; они раздражительны, они всегда чувствуют себя оскорбленными, они недоверчивы, подозревают врага в каждом встречном. Любое незначительное замечание воспринимается ими так, как если бы оно было направлено против них как выражение неприязни. Как правило, они — чужаки и плохо переносят жестокости жизни. Они — самовлюбленные и эгоистичные, и в то время как легко обижаются, никогда не замечают, как сами оскорбляют других.

Другой тип психопата — в терминах Блейлера бесстрастный, в нем мы узнаем качества

«нравственного безумия». Эти личности редко проявляют хоть какое-нибудь чувство. Проводя время с такими людьми, испытываешь чувство неловкости или начинаешь ощущать какую-то внутреннюю пустоту, так как такие люди сами не вносят ничего во взаимоотношения с другими. Следующий тип психопата Блей-лер назвал эксцентрическим. В то время как в действительности они не больны, не страдают шизофренией, их мыслительные процессы отличаются странностью, и человек испытывает затруднения при попытках познать их на эмоциональном уровне. Кажется, они живут некоторым образом в каком-то заблуждении, обладая хорошим ощущением реальности, но никогда не оказываясь полностью в состоянии гармонии с внешним миром и с теми, кто находится в их окружении. Многие из них — члены религиозных сект или экстремистских политических партий. Над ними часто смеются, их отвергают или даже презирают за эту эксцентричность.

В списке Блейлера можно найти строки под заголовком *pseudo-dologia fantastica* (ложь фантастическая), о людях, постоянно лгущих без всякой реальной причины для этого. Их взаимоотношения с истиной настолько нарушены, что ложь становится непреодолимой потребностью даже в ситуациях, когда правда принесла бы этим людям большую пользу. Они лгут независимо от того, послужит ли ложь для их выгоды или нет. Определение *fantastica* вовсе не подразумевает того, что их рассказы обязательно выходят за пределы обычного. Например, спросите их «Куда вы ходили сегодня?» и получите ответ «Ох, я ходила за покупками. Первые два магазина оказались закрытыми, и мне пришлось идти в третий, чтобы купить то, что нужно». На самом деле, как позже вы обнаруживаете, ни один из магазинов не был закрыт. Или один из таких людей может сказать, что он был в Берлине, и мы спросим его, какая там была погода, на что получим ответ «Там все время лил дождь». На самом деле там была ясная, солнечная погода. Кажется, ложь становится совершенно бессмысленной и непреодолимой.

Pseudologia fantastica звучит довольно экзотично, и это состояние встречается относительно редко. С другой стороны, мы часто сталкиваемся с *pseudologia*, ложью без компоненты навязчивости. Многие из нас не уделяют слишком большого внимания тому, что истина, а что нет, и не потому что мы обязательно безнравственны, а так как правда не является чем-то таким, что высоко ценится. «Он незнаком с правдой», как говорят англичане. Часто проходит какое-то время, прежде чем распознается ложь, сказанная другим. В том или ином виде истина считается важной, даже если мы лжем время от времени; так же, как некоторые люди не различают цветов, другие слепы по

отношению к истине.

Несколько старомодный диагноз neurastenia (неврастения) также считается формой психопатии. Неврастеники быстро утомляются и столь же быстро раздражаются. Их описывают как нервных и каким-то образом лишенных возможности чувствовать. Еще одна форма психопатии — это spendthrift (расточительство), свойственное тем, которые, кажется, не могут владеть чем-либо длительное время. Материальная собственность для них ничего не значит; они живут одним днем. Как только у них появляется какая-то собственность, они безрассудно растрачивают ее и, как следствие, всегда пребывают в затрудненном материальном положении. Блейлер описывает также wanderer type (тип странника), скитальца, который не может находиться долго на одном месте, как не способен и на длительное взаимоотношение. Бродяги (hoboes) часто относятся к этой категории. Затем следует причислить к этому списку и chronically quarrelsome (хронически вздорных), людей, постоянно пребывающих в ссорах со всеми и повсюду. Этих индивидов можно часто видеть в судах, бросающихся от одного судебного процесса в следующий, с непрерывными пререканиями прокладывающих себе жизненный путь.

Блейлер также классифицирует психопатов с перспективы психозов. Например, существует schizoid psychopath (шизоидный психопат), термин, не означающий шизофрению или душевное заболевание, скорее, он характеризует свойства, неким образом аналогичные шизофрении. Личности этого типа хладнокровны, замкнуты и отделены от своей чувственной жизни. Блейлер говорит о cyclical psychopaths (циклических психопатах), демонстрирующих свойства циклического психоза; о маниакально-депрессивном синдроме с низкими уровнями депрессии и высокими уровнями мании. В то время как они подвержены резким изменениям настроения, эти колебания не столь серьезны, как в случаях маниакально-депрессивных психозов, и не столь значительно влияют на контактность личности с реальностью.

Другое выражение, epileptoidpsychopath (эпилептоидный психопат), используется довольно редко. Эпилепсия вызвала глубокий интерес психиатров девятнадцатого столетия, которые в течение длительного времени теоретически допускали существование такого явления как «эпилептическая личность». Они полагали, что, кроме характерных приступов, эпилептики проявляют особые свойства, как, например, зависимость и сверхразвитое чувство справедливости, а также склонность к необузданным вспышкам эмоций. Эпилептоидный психопат, следовательно, должен быть личностью, обладающей свойствами, подобными тем, которыми характеризуются

эпилептики.

Блейлер также упоминает хронические этические отклонения среди разновидностей психопатии (органические этические отклонения, асоциальные или антисоциальные личности, нравственное безволие, нравственный идиотизм, тупоумие и «нравственное безумие»). Хотя Блейлер применял эти категории главным образом к преступникам, при этом он подчеркивал, что диагноз — это вместилище самых разнообразных явлений, и что многочисленные факторы вносят свой вклад в криминальность личности.

Феноменологически в типах преступников существует широчайшее разнообразие: случайные преступники, преступники-рецидивисты, профессиональные преступники и предумышленные преступники.

Сексуальные извращения внесены в список как ассоциированное явление только в текст Блейлера, изданный в 1955 году. Я снова должен напомнить читателю, что психопатия — наследственная или врожденная разновидность характера, ведущая к социальным затруднениям и к личному страданию. Еще тридцать-сорок лет тому назад многие психиатры считали, что сексуальное извращение должно рассматриваться как форма психопатии. Такие извращения, как гомосексуальность, педофилия, трансвестизм, фетишизм, нимфомания, сатириазис, при-апизм, содомия, садомазохизм и т. п., считались наследственными. Существовало убеждение, что эти разновидности извращения неизменны, но с возрастом проявляются слабее и становятся менее серьезной проблемой для индивида и его окружения. Влияние теорий Фрейда о сексуальности настолько изменило эти представления, что сексуальные извращения стали рассматриваться психопатическими лишь в ограниченной степени. В наше время более существенными в этой проблеме считаются факторы, связанные с развитием личности. Как можно представить на основании сказанного, диагноз «психопатия» оказался несоразмерно распространенным. Малейшие причуды или заскоки в человеческой личности, которые нельзя было объяснить как следствия особых причин, как например, повреждение мозга или травмировавшее детство, считались психопатическими. Всемирная организация здравоохранения нашла компромиссное определение для психопатии, утвержденное в International Classification of Diseases (Международный классификатор болезней) (ICD). Под номером 301 (диагнозы подробно определяются под номерами) мы находим «Расстройства личности», описанные следующим образом:

Глубоко укоренившиеся неадекватные паттерны поведения, обычно обнаруживаемые ко времени отрочества или ранее и существующие в течение большей части взрослой

жизни, хотя часто становящиеся менее очевидными к середине жизни или в старости. Личность аномальна или в отношении баланса ее компонент, их качеств и выражений, или в их общем аспекте. Вследствие их отклонений или психопатии, страдает сам пациент или другие люди из его окружения, а кроме того, проявляется их неблагоприятное воздействие на некоторых индивидов или общество. Это отклонение определяет то, что иногда называют психопатической личностью, но, если оно вызвано, главным образом, повреждением мозга, то не должно классифицироваться как расстройство личности... (ICD, пересмотренный в 1975 году).

То, что ранее считалось «наследственным», сегодня рассматривается как «укоренившееся». Категория #301 содержит следующие подразделы: #301.0 «Параноидальное расстройство личности», #301.1 «Эмоциональное расстройство личности», #301.2 «Шизоидное расстройство личности», #301.3 «Взрывное расстройство личности», #301.4 «Маниакальное расстройство личности», #301.5 «Истерическое расстройство личности», #301.6 «Астеническое расстройство личности», #301.7 «Расстройства личности с преобладающими социопатическими или асоциальными проявлениями», #301.8 «Другие расстройства личности» и #301.9 «Точно не установленные». Диагноз «психопатическая личность» входит как часть в подраздел #301.9. Сексуальные отклонения и расстройства отделены от расстройств личности, но следуют из них непосредственно под #301.2.

Все эти различные списки психопатий завораживают, предлагая нечто вроде галереи негодяев человеческого происхождения. Однако пропущенной оказалась система, некий динамический принцип, который мог бы собрать воедино все различные части. Эти списки весьма похожи на «сборную солянку» из любопытных вещей, на скопление развлекательных аттракционов. Они напоминают исторические книги о Средневековье, описывавшие одно событие за другим ради самого повествования, но без какой-либо обстоятельной связи между ними. И все же именно бессистемное свойство этих списков характерологических возможностей выявляет его превосходство в сравнении с четко различающимися типологиями. Проблема с типологиями, включая типологию Юнга, заключается в том, что они формируют замкнутые системы, разрешающие существование только тому, что дается самой системой. В этом заключается одна из их опасностей, другая состоит в том, что типология является более вероломной и деструктивной. Давайте предположим, что мы определили некоего человека как интровертного чувствующего типа. Тогда мы знаем точно, что именно представляет собой эта личность, и прекращаем наблюдение за ним. Любое явление, не

соответствующее поставленному диагнозу, просто отвергается; непосредственность наблюдения и взаимоотношений разрушена. С другой стороны, списки психопатий не заявляют о своей завершенности. Яркость психопатического характера не ограничивается именно потому, что нашей фантазии предоставлена возможность описывать новые формы психопатии.

В самом деле, кажется, что психологическая значимость психопатии заключается в той степени, до которой она стимулирует воображение, притязания, поддерживаемые бесконечными списками психопатий. Например, для понимания психопатов с 1925 года применяются психодинамические принципы с подчеркиванием важности психогенетических аспектов. Психоаналитические школы убеждены в том, что психопаты — это индивиды, остановившиеся в развитии на инфантильной стадии первой фаллической фазы. Разумеется, социологи рассматривают психопатов как социологическую проблему. Некоторые даже представляли возможным изобрести или открыть синдром под своим собственным именем. Бен Картманн (1935) ограничил обозначение «первостепенной» психопатии, назвав ее анеттопатией (Ane-ttopathv). Анеттопаты — чрезвычайно эгоистичные индивиды с весьма ограниченной чувствительностью в отношении других, самовлюбленные, безнравственные, большей частью преступники или, как правило, асоциальные личности.

Меня не интересует определение, правильна ли психодинамическая — или любая другая — интерпретация или нет. Существуют и должны существовать бесчисленные модели для понимания человеческой души (psyche). Что по-настоящему интересует меня, так это перспектива тех психиатров, которые применяют термин «психопатия» так же, как его применял Блейлер. Я интересуюсь особенным образом человечества, лежащим в основе классического определения и описания Блейлера и его предшественников. Мне представляется, что как понимание психопатии, так и размышление о человеческой природе широко распространены среди врачей и юристов со значительной правомерностью.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПУСТЫНИ ДУШИ — ПРОВАЛЫ И НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Психиатрические круги в девятнадцатом и двадцатом столетиях рассматривали и рассматривают до сих пор человеческую натуру как некое скопление или взаимодействие различных возможностей и способностей, развитых в большей или меньшей степени или отсутствующих вообще. Отдельные свойства или определенные

способности, с чисто практической точки зрения, могут отсутствовать с самого рождения. Эти отсутствующие или пропавшие без вести свойства были или остаются названными провалами (*lacunae*), незанятые комнаты дома души. Вообразите, если пожелаете, географию души, этого огромного континента, населенного различными племенами (способностями и возможностями), живущими и развивающимися в соответствии с их свойствами. Проследившая аналогию далее, вообразим, что необитаемые или непригодные для жилья площади, пустыни, бесплодные земли или *lacunae* (провалы) представляют собой психопатии. Всем нам присущи психопатические свойства; каждый из нас не улавливает чего-то или имеет некий аспект, который явно остался недоразвитым.

Этот образ, кажется, заслуживает исследования. Например, многие люди — музыкально одаренные, в то время как другие не столь талантливы, а, кроме того, существуют и такие, которые не обладают восприятием какой-либо музыки вообще. Восприятие музыки можно было бы также разделить, в соответствии с различными музыкальными способностями, на высоту, ритм и тембр звука. Однако мы зашли бы слишком далеко, если бы рассматривали отсутствие музыкальных способностей как причину, приводящую к социальным затруднениям или даже к личному страданию, по крайней мере, если человек не имел несчастья родиться в высокоодаренной музыкальной семье или обществе. Если бы дело обстояло таким образом, бездарный индивид мог бы мучиться из-за обязанности просиживать время на еженедельных концертах (личное страдание), а его окружение страдало бы из-за его неспособности поддерживать мелодию (страдание общества). Однако, вообще говоря, музыкальность — не тот талант, отсутствие которого вызывает страдание.

Многие профессионалы — врачи, социальные работники, учителя и т. п. — отвергают идею о психических провалах (*lacunae*), об отсутствующих частях души.

Преподаватели музыки будут утверждать, что каждый может быть музыкальным, — возможность присутствует в каждом из нас, ее либо развивают, либо погребают. Тот же самый преподаватель, утверждающий, что не существует такого явления как немusикальный ребенок, ежедневно воюет с детьми, музыкальность которых погребена столь глубоко, что ее просто не удастся обнаружить. Особое внимание уделяется развитию и выявлению индивидуальных способностей, но никогда — противостоянию и выяснению их отсутствия, с убежденностью в том, что искомая способность может отсутствовать. В то время как музыкальность — важный аспект нашей жизни, она не является определяющей; это — нечто, о чем невозможно сказать как о касающемся

нравственной способности или нравственной одаренности.

Я нахожу, что вынужден в процессе этой дискуссии постоянно напоминать читателю, что не говорю о «нас» и о «них», о нас как совершенных, уравновешенных или цельных, и о них, других, которым недостает чего-то, — о психопатах. Признаю, что, конечно, важно обладать способностью распознавать психопатических индивидов, когда мы сталкиваемся с ними. Мне кажется гораздо более важным то, что, говоря о психопатии, мы стремимся осознать, в чем именно мы сами являемся психопатами. Представление о том, что существуют *ласупае* — пустоты, — где каждый и все мы испытываем недостаток в чем-нибудь, является значимым. Например, в каждом анализе достигается точка или место, где опрашиваемый анализанд не имеет совсем ничего, и мы осознаем, что бессмысленно ждать, пока что-то разовьется, или настаивать на том, что там что-то должно быть. В этой особенной области анализанд просто не может понять или рассказать что-то существенное. Даже если существует понимание на уровне разума, настоящее понимание, чувственная связь невозможна. То, что мы делаем в анализе, — это оказать помощь анализандам в открытии их индивидуальных *ласупае*, чтобы они знали, где находятся. Задача оказывается столь трудной потому, что индивиды обычно убеждены в том, что пустые места на самом деле являются наиболее развитыми. Они столь плохо понимают сущность этих пустот, что неспособны осознать, что там нет буквально ничего. Например, все мы знаем, насколько затруднительными бывают встречи с людьми, не знающими абсолютно ничего об актерском искусстве, но глубоко убежденными в том, что способны удивительно подражать другим, — какими жалкими они выглядят при всей абсурдности их поведения! В высшей степени важным является приложение этого вопроса о *ласупае* к самим себе: где находятся мои *ласупае*? Где мне не хватает чего-то?

Но вернемся к нашей теме. Мы говорим о психопатии как о врожденной разновидности характера, приводящей к личному и общественному страданию. Давайте расширим наши исследования, задавшись вопросом, характеризуются ли эти разновидности только наличием *ласупае*, и не может ли избыток определенного свойства характера также приводить к страданию и затруднениям? Агрессивность — способность сражаться в защиту чего-нибудь такого, во что человек верит, — отличается в разных индивидах. Когда люди недостаточно агрессивны, они страдают от неспособности утвердить свое положение. Когда люди обладают чрезмерной агрессивностью, они и те, которые составляют их окружение, тоже страдают, хотя и по различным причинам. Как уже упоминалось выше, современная психиатрия пытается избегать диагноза

психопатии. Психопатия получила негативные оценки в печати; она оказалась почти оскорбительной. Термин был объявлен разрушительным, теоретически ложным, источником недоразумений и, что хуже всего прочего, ненаучным. Я нахожу затруднительным понимание подобных протестов после того, как были пересмотрены предпосылки и история психопатии.

Важным аспектом психопатии является ее завершенность, возможно, наиболее четко выраженная в теории ее наследственного происхождения. Врожденное качество, роль наследственности составляли важную часть в мышлении девятнадцатого столетия и были даже усилены Блейлером. Естественно, всегда существовали разногласия по поводу того, что же именно наследовалось, сколь велика или мала была роль наследственности, но концепция наследственности оставалась. Мы рождаемся с чувством нравственности, с некой нравственной одаренностью или без нее, со способностью любить и быть любимыми или без нее и т. д. Именно такое представление о врожденной и наследственной природе психопатии вызвало такую враждебность и получило название разрушительного. Нетрудно представить, почему это произошло. Такое представление противоречит вере в то, что все люди равны.

Libertii, Egalitit, Fraternitu. Что же случилось с идеалом равенства, если все мы рождаемся с различными характерами, если все мы различаемся определенными свойствами личности или отсутствием таковых, даже если эти свойства и их присутствие или отсутствие не относятся к психопатической личности? До тех пор, пока мы видим самих себя как *tabula rasa*, начинающими жизнь с чистого листа, равенство имеет шанс на существование. Вообразите теоретические сложности, которые возникали бы, если бы все люди были созданы не равными, а различными. Тогда не было бы никаких систем, никаких общественных организаций, ни воспитательного процесса, который мог бы восстановить равенство или стать причиной его возникновения. Мы различались бы с самого рождения! Нетрудно представить, почему просвещение повлияло на психиатрию и сталкивается с такими затруднениями в отношении психопатии.

Мы можем также понять обеспокоенность тем, что концепция психопатии могла бы привести к серьезным недоразумениям. Как можем мы быть уверены в том, что некто является психопатом или нет? Как можем мы узнать достоверно, вызваны ли трудности общения с другой личностью психическими *lacunaе*, наличием пустынь в душе индивида, или нет? Признать концепцию психопатии — значит вызвать бесчисленные осложнения в наших взаимодействиях с нашими братьями —людьми. Как, например, мы

обращаемся с психопатией, если это не просто психиатрический диагноз, но другое человеческое существо?

Один из недостатков психопатии состоит в том, что она оправдывает нас в наших взаимоотношениях с другими людьми. Она дает нам возможность прекратить попытки улучшения взаимоотношений, если, вопреки всем нашим терапевтическим усилиям, мы всегда можем заявить: «Ох, ну довольно, этот человек, должно быть, психопат. Я не могу ничего с этим поделать, ведь у него слишком много *Isupae*». Возможно, именно в таком отношении заключается причина того, что некоторые люди считают идею психопатии безнравственной.

Психиатрии свойственна тенденция превращать обычные, безвредные слова в унижающие намеки и оскорбления, насколько позволяет это профессиональный язык. Психопатия стала таким же оскорблением, каким в свое время была истерия. Все мы хорошо знаем, как используется слово «истерия» в контекстах типа «Она ничто иное как истеричка!» Когда пациенты страдают от необъяснимых симптомов, им незамедлительно ставили диагноз «истерия». По крайней мере, такой диагноз помогал врачу чувствовать себя лучше, даже если это ухудшало состояние пациентов и их проблемы. Врачи могли умыть руки, недвусмысленно и полностью перекладывая ответственность на плечи самого пациента. По какой-то причине промежуточные, невыразительные диагнозы предполагают отрицательные качества и значимость. Такую реакцию можно частично устранить переименованием или новым определением всего явления или синдрома; так истерия превратилась в «преобразованную реакцию» (*conversion reaction*), а психопатия — в «социопатическое расстройство личности». Дополнительные негативные оттенки значения психопатии могут быть смягчены использованием приставки «социо». В то же время рассматриваемое явление становится более безвредным, так как мы уже имеем дело не с душой, не с психопатом (*psycho*), а с конфликтом между индивидом и обществом.

Кажется, что психопатия воздействовала на совершенно непредсказуемые сферы мышления. Она привлекла внимание к теории равенства в философии и политологии. Вопрос наследственности в дальнейшем привел к практическим политическим соображениям: некоторые аналитики зашли столь далеко, что назвали идею наследственности в психопатии фашистской или, по меньшей мере, фашистоидной (*J'ascistoid*). Психотерапевты левацкой ориентации утверждали, что наследственность мало или вообще не влияет на человеческие существа: мы все рождаемся с одним и тем же потенциалом. Диспут достиг даже зоологии, где, как наблюдается, животные

уже при рождении обладают самыми существенными паттернами поведения. В связи с этим зоологи, подобные Конраду Лоренцу, были названы фашистами, и не вследствие ложных обвинений в антисемитизме, а из-за его утверждения, что человеческие существа рождаются с определенными паттернами поведения, называемыми архетипами.

Люди в наше время весьма свободно используют термин фашизм. С фактической точки зрения, он указывает на особые политические движения диктаторского и аристократического толка, имеющие место, в основном, в Италии, Испании и Румынии. Фашизм часто путают с национал-социализмом Германии — движением с фашистскими свойствами, но включающим явственные и отличающиеся от фашизма элементы, как например, идею о господствующей расе.

Следовательно, люди, поддерживающие левацкие настроения, стремятся начать историю с *tabula rasa* (с теории чистого листа). Естественно, наши представления о нас самих и об окружающем мире влияют на нашу научную перспективу, о чем свидетельствует дискуссия в среде интеллигенции. Недавно в медицинском журнале я прочел статью, в которой утверждается, что уровень интеллигентности зависит от качества функционирования мозга, а далее сообщается, что функции мозга определяются социальным окружением личности. Статья продолжается заявлением о том, что для того чтобы поднять уровень интеллигентности всего человечества до одинакового уровня общество должно подвергнуться марксистской перестройке.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЭРОС КАК ИНВАЛИД

Давайте перенесем внимание с предыстории психопатии на то ее состояние, в котором она проявляется, и как мы с ней сталкиваемся. Понимание явления, будь то с психологической, философской или религиозной перспективы, способно предоставить врачу и юристу возможность облегчить страдания психопата и его окружения. Однако, что более важно, правильное восприятие психопатии может помочь каждому из нас в уменьшении того вреда, который мы причиняем психопатической стороне собственной личности. Решительное противостояние психопатии и воздействие на нее дают нам более полное представление о том, что подразумевается под понятием «быть человеком». Психопатия — это пограничная полоса человеческой природы, граница, на которой следует произвести разведку, для того чтобы понять, что именно описывает наша человеческая география.

С исторической перспективы мы можем признать, что существуют различные виды психопатий, проявляющих, однако, некоторую степень единообразия. Психопатия — это не только нечто, что можно разделить на составные части. Соблюдая это единообразие и множественность, я буду говорить о первостепенных и вторичных симптомах примерно так, как психопатологи относятся к шизофрениям. В шизофрении мы также находим эту смесь единообразия и множественности, которую легче всего осознать при описании ее первостепенных и вторичных симптомов. Когда я говорю о первостепенных симптомах, то имею в виду те симптомы, которые наблюдаются во всех случаях психопатии; вторичные симптомы — это те, которые свойственны различным типам психопатии.

Как я уже говорил прежде, все мы имеем *lacunae*, пустоты или степи в своих психических ландшафтах, которые и являются нашими психическими аспектами. Однако было бы бессмысленным называть все человеческие существа психопатическими. Психиатры, имеющие дело с психопатией, подразумевают при этом особый тип индивида. В то время как заболевания их пациентов могут различаться, они все же имеют нечто общее: первостепенные симптомы. Я опишу здесь пять таких симптомов.

Первый из них — неспособность любить, отсутствие эроса в самом широком смысле этого слова. Я уже говорил о том, что сам подразумеваю под словом эрос. Психопаты могут притворяться, что любят или влюбились, часто водят за нос окружающих исполнением этой роли. Убийца, о котором я рассказывал ранее, был знаком с одной женщиной и предпринял все меры, чтобы стать ее возлюбленным. Он был галантным поклонником, подносявшим ей подарки и восхвалявшим красоту ее прелестных карих глаз. Он был любезным, выражал сочувствие ей и ее проблемам, осведомлялся о благополучии ее матери и о ее работе. Посторонний мог искренно поверить в то, что этот человек влюблен. Однако лживость его поступков отразилась в следующей истории. Во время пребывания в тюрьме он повздорил с одним из охранников, и при этом всплыло имя его подруги. Убийца пришел в ярость и закричал, что не хочет иметь ничего общего с этой глупой женщиной; так или иначе, она никогда ничего не значила для него. С этого момента их взаимоотношения прекратились, не оставив заметных следов в его поведении. Он вовлек женщину в любовную интригу своими пустыми, ничего не значащими поступками.

Мне хотелось бы в скобках привести некоторое наблюдение, которое могло бы предотвратить возможную путаницу между чувством и любовью. Хотя сам Юнг мало

писал о психопатии, я подхожу к этому явлению с перспективы юнгианской психологии и должен упомянуть о роли, которую играет в ней типология. Согласно Юнгу, люди относятся к самим себе и к окружающим на основе четырех функций: мышления, интуиции, ощущения и чувства. Мы переживаем явления мира посредством этих четырех функций с эросом или без него. Мы можем относиться к миру посредством мышления — оценивать явления с помощью логических категорий. Существует также возможность познавать его на основе интуиции — бессистемно предчувствовать связи явлений внутри и вокруг нас. Мир может также быть «эстетическим» переживанием для нас — взаимоотношения с миром происходят через внутренние и внешние ощущения впечатлений, образов и цветов. Или мы можем реагировать на него на основе чувства — мы чувствуем себя уютно или неуютно в присутствии другой личности; нечто внутри или вокруг нас вызывает чувство приятной или неприятной атмосферы.

На ощущающий тип воздействует цвет женской юбки. Чувствующий тип угнетен и раздражен в присутствии той же самой женщины. Интуитивный подозревает, что эта женщина только что дурно отзывалась о нем в беседе с их общим другом, в то время как мыслящий тип обдумывает, в чем дело, почему эта женщина слегка смутилась при встрече с ним. Он думает про себя: «Она только что разговаривала с моим другом, следовательно, что-то такое должно было произойти в их разговоре, от чего она почувствовала какую-то неловкость. Быть может, она сказала что-то дурное обо мне». Ни мышление, ни ощущение, ни интуиция, ни чувство не являются выражением более глубокого отношения к этой женщине. Она же просто ощутила это и с безразличным видом приняла к сведению.

Я пытаюсь сказать, что любовь — эрос — может быть выражена любой или всеми функциями, часто в самых неожиданных формах. Ортодоксальные евреи используют игру под названием *pilul*, некую искусную головоломку, для выражения своей любви к Богу. Любовь выражалась через мысль, через чрезвычайно сложные, временами игривые теологические аргументы и контраргументы. Схоласты делали почти то же самое в Средневековье. В то время как мы можем думать, насколько странно обсуждать, сколько ангелов может поместиться на острие булавки, для схоластов такое мнение кажется тупым; очевидно, бессмысленная деятельность означает чистейшее разумное отношение к Богу.

Отношение к личности как к способной к любви только потому, что он или она принадлежит к чувствующему типу, может иметь трагические последствия. Ошибочно принимать чувство за любовь — значит не придавать значения тому факту, что

взаимоотношения включают гораздо большее, чем просто эмоции или восприятие на основе чувства, но притом такую ошибку совершить очень легко. Всем нам знакомы чувствующие типы, в которых эрос остался недоразвитым; они приятны и дружелюбны в общении, похлопывают вас по спине, и время, проводимое с ними, доставляет удовольствие. Когда они уходят, взаимоотношение уходит вместе с ними. Снова и снова мы принимаем чувство за эрос. Возможно, было бы интересно исследовать вопрос, было ли это так же в другие времена и с другими культурами.

В нашей культуре эрос возведен на престол культом межличностных отношений и значимостью, придаваемой нами так называемому общению. Мы почитаем эрос, когда предупреждаем родителей, что они должны всегда быть любящими и сердечными в отношениях со своими детьми. Фрейд почитан эрос, присутствие которого усматривал, главным образом, в сексуальности, сотворив громадную сексуальную (читай, эротическую) мифологию. Конечно, наше современное почитание — это поклонение неправильно понятому богу. Часто мы ограничиваем Эрос межличностными отношениями и в такой ситуации только пугаем его с чувствами. Результат такого ограничения проявляется в том, что многие психиатры совершенно серьезно верят в то, что абсолютно все мировые проблемы возникают из-за неспособности человечества выражать чувства, как если бы выражение чувств не могло приводить к вооруженному нападению и к убийству.

Эрос — это также и сила, власть, связующая составляющие внутреннего психического мира души. Говоря об Эросе, мы в общем воспринимаем его как то, что связывает нас с нашим окружением, с нашими друзьями, и как власть, соединяющую мужа и жену, родителей и детей. Как внутренняя душевная сила Эрос воздействует на связь между составляющими наших душ, между нашими комплексами. Мы уже давно не рассматриваем душу как неделимую целостность, скорее, она представляется нами как некая нация с внутренними взаимодействиями различных групп и сил. Юнгианская психология говорит об архетипах, о врожденных паттернах поведения, символизированных богами, героями, актерами, даже героями комиксов. Мы говорим об архетипе отца, об архетипе матери, об архетипах священника, воина и торговца. Взаимоотношения этих архетипов друг с другом могут быть или хорошими, или плохими. Точно так же как боги — одно из представлений архетипов — объединены или связаны с Эросом, так и архетипы объединены в отдельной душе. Стало быть, Эрос выражается не только в моем отношении к внешнему миру, но также и во взаимоотношениях между частями моей души.

У нас имеется некая возможность, особенно в сновидениях, наблюдать, как эти различные части нашей души взаимодействуют и реагируют друг на друга. Один из способов отношения к сновидениям — рассматривать их как драматические пьесы, в которых различные личности изображают аспекты нашей души. Ребенок, появляющийся в наших сновидениях, может иметь отношение к ребенку в происходящей наяву реальности, но он также может относиться к ребенку, находящемуся в нас, — к архетипу ребенка. В своих сновидениях мы наблюдаем, как это дитя пытается идти в ногу с взрослыми, или как он или она ведет себя с животными или с другими детьми. Мы видим в сновидениях, как относятся друг к другу архетипы, будь то с Эросом или без него.

Так как архетипы все связаны друг с другом, возможно, что не стоит слишком отчаиваться, если мы случайно забываем свое сновидение или не относимся к нему с должным осознанием. Существует весьма небольшое число людей, помнящих целую треть своих сновидений. Цель сновидений — не только напоминать нам о необходимости взаимодействия с нашими внутренними жизнями. Сновидения также предоставляют нам сцену, на которой архетипы могут общаться друг с другом, и именно то, как это случается, и манера, в которой развиваются эти различные взаимоотношения, имеют определенную значимость в жизни нашей души. Можно было бы пойти так далеко, что рассматривать сновидения как происходящую у нас на глазах групповую терапию для архетипов, которая является важной, вне зависимости от того, участвуют в этом процессе наши смиренные эго или нет. В одном можно быть совершенно уверенными: Эрос играет решающую роль в этих еженощных представлениях. Это Эрос затевает игры с божествами и сближает их. Это Эрос добивается своей цели — возникновения взаимоотношений между психическими силами.

Все это может показаться абстрактным. Позвольте мне попытаться быть более конкретным. Все мы время от времени страдаем из-за внутренних конфликтов. Одна часть внутри нас желает одного, другая — чего-то совсем другого: «Дом разделяется на части против собственной воли». Нашему дитя, ребенку внутри нас, хочется затеять драку, забавляться, не думая об ответственности и долге. Нашему герою хотелось бы покорять и править обоими мирами, и внешним, и внутренним, совершая дерзкие поступки и героические набеги. Эти два архетипа, ребенок и герой, движутся в противоположных направлениях. Оказавшиеся без Эроса и его могущества, мы стремимся идти сначала одним путем, затем другим, временами ведем себя словно дети,

временами — героически, иногда расцениваем свое детское поведение с героической перспективы, иногда — рассматриваем свое геройство словно дети. С Эросом и присущими ему качествами оба эти «бога» или архетипа уважают право другого на присутствие и даже находят удовольствие в этом сосуществовании. Оба, ребенок и герой, могут проявлять в нас свои свойства, не опасаясь неприятия или разрушительного конфликта.

Согласно тому, о чем я только что сказал, должно быть, существует возможность распознавать психопатических индивидов на основании их сновидений — должно быть очевидным характерное отсутствие родственных отношений с Эросом. Но это обстоятельство не всегда определяет психопатию. Наша способность к истолкованию сновидений еще не доросла до того уровня, чтобы мы могли распознавать психопатию сновидца с какой-либо степенью уверенности. Тем не менее, мне хотелось бы сослаться на сновидение, кажущееся типично психопатическим: сновидец входит в комнату, заполненную людьми, и вследствие скопления газов в кишечнике издает неприличный звук, вызывая такой неприятный запах, что все выходят из помещения. Другое сновидение: сновидец оказывается стоящим на пустыре. Издалека он замечает ребенка, бегущего ему навстречу. С противоположной стороны появляется старик. Хотя их пути пересекаются, ни старик, ни ребенок не видят друг друга, и каждый проходит мимо другого или сквозь него без какого-либо признака узнавания или внимания. Мне кажется, мы не можем говорить о каком-либо взаимоотношении архетипов, подобном групповой терапии, в этих сновидениях, в каком бы то ни было смысле. Все, что мы видим, — это отсутствие взаимоотношений, другими словами, отсутствие Эроса. Это отсутствие Эроса у психопатов находит свое выражение в затруднениях, сопутствующих их межличностным отношениям. Скорее всего, мы чаще сталкиваемся не с Эросом, а с его подделкой. Юнг сказал, что когда отступает любовь, в наступление переходит сила; сила является признаком значимости в индивидах с психопатическими тенденциями. Там, где отсутствует эрос, побеждают подделка, управление, господство и интрига. Большинство исследователей признали отсутствие эроса свойством психопатии. Маслоу пишет: «Я нахожу полезным для понимания психопатов предположение, что они не способны к отождествлению себя с любящими людьми, и по этой причине могут ранить или даже убить без угрызений совести, без ненависти или удовольствия, как если бы уничтожали вредное животное». Он продолжает: «Насколько мы можем судить об этом, потребность любить и быть любимыми исчезает раз и навсегда». Мне хотелось бы заметить, насколько осторожен Маслоу: «Я нахожу

полезным... предположение; насколько мы можем судить...»

Всегда находятся терапевты, утверждающие, что способны добиваться превосходного взаимопонимания с психопатами. Действительно ли дело обстоит таким образом, или они обманывают самих себя? Или, возможно, они принимают жалость за взаимопонимание? Мой опыт говорит о том, что терапевты, не имеющие правильного понятия о значении родственности, — именно те, кто провозглашают возможность установления своих взаимоотношений с психопатами. Это вовсе не означает, что я имею в виду, что дело всегда обстоит именно таким образом. Разумеется, существуют индивиды, чье собственное чувство эроса настолько сильно, что им удается наладить взаимоотношения даже с психопатами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОТСУТСТВИЕ НРАВСТВЕННОСТИ

Второй из первостепенных симптомов психопатии — это отсутствие или недостаток чувства нравственности. Я говорил прежде, что психопат не только способен рассуждать о нравственности, но также защищать, даже насаждать ее (помните «Милого друга» де Мопассана?), хотя мало или вообще не прилагая ее значимости к себе лично. Но что есть нравственность на самом деле? Я ощущаю себя в довольно сомнительном положении, когда пишу о психопатах, высказывая свои соображения о том, что им недостает эроса и нравственности, и сознавая притом, что не могу ни четко описать то, что подразумеваю под эросом, ни дать определения нравственности. Опирируя с образами и терминологией, которые невозможно осознать полностью, попытаюсь указать на те аспекты нравственности, которые существенны для наших рассуждений.

Психологи, работающие на основе модели Зигмунда Фрейда о душе, считают нравственность связанной с суперэго, которое само является результатом усвоения родительских образов. Например, отцовское «Ты не должен делать этого», обращенное к его ребенку, усваивается и говорит через сознание этого индивида (ребенка). Люди из окружающего ребенка внешнего мира, представляющие нравственность, становятся его внутренними голосами, защищающими нравственность во взрослом человеке. Следует признать, что это — упрощение теорий Фрейда о нравственном развитии. Психологи-юнгианцы рассматривают нравственность с различных точек зрения. Некоторые полагают, что не существует общей или общепринятой нравственности, но каждый архетип имеет собственную нравственность. «Нравственность» Афродиты

должна была бы отличаться от нравственности Гермеса, торговца и посредника. В таком случае поведение индивида будет зависеть от действующего архетипа. Любовник, над которым властвует Афродита, должен покоряться принципам, отличающимся от принципов торговца, находящегося под властью архетипа Гермеса. Жена, в образе Геры, должна была бы руководствоваться законами, отличающимися от тех, которым следует завсегда́тай вечеринок, которым мог бы управлять архетип Бахуса.

Представление об архетипическом характере нравственности до некоторой степени соответствует современному мнению о том, что универсальная нравственность вытеснена ситуативной, в которой можно говорить о нравственности только внутри данного контекста. Любой нравственный поступок зависит, по крайней мере, до некоторой степени, от определенной ситуации или от архетипа, доминирующего в данной ситуации. Вопреки этому факту, не существует ли некое «обстоятельство», некое единомыслие, проявляющееся во множестве ситуационно определенных поведений или нравственностей? Идея о всеобщей или универсальной нравственности все еще имеет широкое распространение, особенно среди тех, кто придерживается догматов иудейско-христианского или мусульманского вероисповеданий. Должно быть, существует некая психологическая значимость в концепции универсальной нравственности, иначе она не была бы столь господствующей и не оказывала бы столь глубокого влияния.

Другие психологи-юнгианцы рассматривают нравственность как проявление в каждом из нас искры божьей, как согласованность в наших психических несовместимостях, как наши узы с Божественным. Нравственность в своей глубине, не в ее светском смысле, должна была бы стать тем, что вносится в восамление, в процесс осознания самости, в отношения с Богом или с богами внутри нас. В то время как такое представление несет в себе отзвук истины, оно не лишено определенных опасностей. Весьма безнравственные деяния могли бы быть оправданы во имя восамления или самости. Это — не единственное уязвимое место в юнгианской психологии. Сколь много преступлений совершено во имя Бога? Сколь много зла содеяно во имя множества наших мирских божеств, таких, например, как Развития, Роста и Творческого потенциала? Мужчина пускается в бега с другой женщиной, оставляет свою семью, для того чтобы «обрести себя» или чтобы «заняться своим собственным делом». Во имя своих «творческих способностей» мать оставляет своих детей вечер за вечером, посещая курсы «повышения сознания» и классы «усовершенствования роди гелей». Можно не сомневаться в том, что в таких случаях самость, Бог, творческие способности

и им подобные термины неправильно истолкованы или неверно поняты. В то же время нельзя считать простым совпадением то, что столько злого и безобразного сотворено во имя Бога, самости или их современных дубликатов.

Может ли самость, может ли фокальная точка и центр нашей души, наша божья искра быть безнравственной? Я уже подчеркивал то, что одним из первостепенных симптомов психопатии является отсутствие нравственности. Другие соглашались со мной по этому поводу. Самость, эта божья искра в нас, должна трудиться над смыслом нашего существования, над смыслом, приобретаемым нами посредством осознания самости. В связи с очевидностью существования индивидов, вообще не имеющих нравственности, их невозможно «спасти», если угодно, невозможно даже приблизительно представить смысл их существования. Одним словом, они «прокляты» — мысль некоторым образом тревожная. Возможно, было бы легче предположить существование безнравственной самости в психопатах, не имеющих нравственности. Если бы это было так, в психопатах не формировался бы индивидуальный характер в его нравственном смысле, осознание самости не пробуждало бы в них этические основы, и их ощущение самости было бы безнравственным. Стремительно возрастает осознание того факта, что столкновение с психопатией возбуждает появление фундаментальных вопросов и приводит нас к внешним уровням человеческого существования.

Я подозреваю, что нравственность — не столько вопрос самости или даже различных архетипов, сколь проблема эроса. Нравственность — это попытка эго «взять верх» над эросом. Эго, та часть нашей души, которая старается сохранять логичность действия внутренних и внешних сил, воздействующих на нас, предпринимает попытки систематизировать поведение эроса так, чтобы ему можно было бы найти применение в любой ситуации. Нравственность — это героическая попытка эго найти правила взаимоотношений архетипов между собой для наших отношений к своим человеческим собратьям и к нашему окружению в целом. Систематизирование и установление правил предназначены для высочайшей степени гарантирования мира и гармонии. Хотя они и являются героическими, поиски нравственности со стороны эго до некоторой степени обречены на неудачу, в связи с тем, что любая нравственность изобилует противоречиями. До тех пор, пока в этих поисках не участвует непосредственно эрос, все наши попытки жить правильно и с любовью будут неудовлетворительными, поддельными, неестественными. Эго действительно призвано в большей степени влиять на нравственность, чем самость, ибо самость стоит над нравственностью, подобно Богу, сотворившему мир, представляющему собой не что иное как нравственность, Богу,

посылающему ливни на честных и нечестных, являющемуся Владыкой нравственности и добродетельных, и психопатических человеческих созданий и стоящему над своим творением.

Независимо от того, как мы переживаем эрос и нравственность, они некоторым образом находятся в противоречии друг с другом. Моралисты часто не являются любящими, а нравственные поступки нередко имеют мало общего с эросом. Тем не менее было бы несправедливым отвергать или яростно негодовать по поводу проявления нравственности. Мы не можем полагаться на Эроса. Он — бог, совершенно не заслуживающий доверия: временами присутствующий, временами отсутствующий. Его нельзя ни удерживать, ни связывать. Он не реагирует на наши проявления воли. Даже наиболее любящие личности переживают мгновения, когда они не в состоянии проявлять свою любовь. Возможно, именно по этой причине эго обращается к нравственности как к заменителю эроса в те моменты, когда его нигде нельзя обнаружить. Любовь — это первая заповедь христианства, но она отнюдь не отдает себя в чье-либо распоряжение. Когда Эрос отсутствует, индивиду, желающему имитировать поведение Эроса, не остается ничего другого, кроме как попытаться создать систему ценностей и правил нравственного поведения, которой он смог бы придерживаться. Не следует удивляться, если может случиться так, что эти правила окажутся неполноценными, ведь Эрос не допускает, чтобы им управляли.

Я не намереваюсь создать впечатление, что каждый индивид конструирует свою собственную нравственную систему. Определенно, это совсем не так. Создание даже такой системы, которая лишь начинает приближаться к эросу, — не только чрезвычайно сложная задача, помимо этого она требует согласованных усилий многих поколений и сотрудничества с другими. Большинство людей неспособны устанавливать свой собственный, оптимальный моральный кодекс и смиренно обращаются за помощью к тому, который им предлагает общество. Слишком часто мы слышим предостережения, касающиеся коллективных правил и норм, и не замечаем того, что индивид часто бывает одаренным счастливой способностью просто перенимать другую нравственную систему. Не каждый сочиняет симфонии, и не каждый способен «сочинить» моральный кодекс. Если мы продвинемся в соответствии с этой аналогией еще на шаг, мы сможем сказать, что точно так же, как большинство из нас поет песни, уже написанные другими, во благо большинства человеческих созданий им следует воспринимать общую, существующую этическую систему.

Средняя личность находится в контакте с эросом лишь время от времени. Ее поступки

иногда руководствуются Эросом, но это происходит не постоянно. Переживание эроса — это не то, что эго легко забывает и пытается вызвать посредством правил поведения и нравственности.

Многие психопаты, возможно, большинство их, с готовностью адаптируются. Они с легкостью исполняют функции мужей и жен, как профессионалы, а также знают и другие роли, особенно когда становятся старше и как-то смягчаются. Они примиряются с необходимостью исполнять разнообразные роли, предлагаемые обществом, и делают это без всякого привлечения какого-либо настоящего, личного переживания. Однако мы должны быть осторожными, различая действия в такой ситуации. Даже индивид, переживавший воздействие Эроса, страстно, от всего сердца желающий возвращения этого самого капризного из богов, использует нравственность в качестве временного заменителя и лицедействует. Мы не можем жить без исполнения ролей. Существует тенденция отвергать лицедейство, предлагаемое обществом. Психологи-юнгианцы часто говорят о персоне (маске личности), к которой они, как правило, относятся с недоверием. Часто в терапии они пытаются разрушить эту персону, веря в то, что анализанд обязан отвергать такие роли, чтобы по-настоящему быть самим собой, чтобы оставаться творческим и свободным. Вопрос не столь прост, каким кажется. Независимо от того, насколько любящими мы являемся, насколько хорошо может быть развито в нас восприятие эроса, обычно нам приходится выражать эрос внутри пределов, установленных исполняемой ролью. Некоторым образом, это подобно употреблению разговорного языка. Обычно мы употребляем особые паттерны речи для выражения самих себя, как правило, такие, которым научились в детстве, или те, которые нам удалось тщательно изучить в более поздние годы. Мы не изобретаем свой собственный язык.

Другой способ — представлять себе мир как сцену. Каждый играет некую роль: нищего, короля, воина, торговца, пастушки или проститутки. Через эти роли мы выражаем то особенное, что свойственно нам как индивидам. Одна из задач общества — предложить столь большое и столь разнообразное количество ролей, насколько это возможно. Однако исполнение ролей — это не признак психопатии. Следует признать, что психопаты исполняют свои роли весьма искусно, но для них это действительно единственные роли, просто маски. *Personas* (маски) обычных личностей, их манера представлять себя никогда не оказываются бессмысленными. Возможно, им не удастся полностью выразить свое существование, но они обладают определенной значимостью, передают некую сердечность и сущность. Они приводят к осложнениям, к развитию, к

побуждениям. Исполнение роли психопатом — это только исполнение роли, игра, без эроса и с малым содержанием нравственности или при полном ее отсутствии.

Позвольте мне привести пример учителя. Как учитель, он играет роль учителя. Он усваивает определенные паттерны поведения, свойственные учителям. Как некий индивид, временами испытывающий прикосновения эроса, он выражает через эту роль любовь к своим ученикам; или нравственность, этот заменитель эроса, диктует ему, каким должно быть поведение любящего учителя. Если учитель — психопат, он одевается, действует и разговаривает, как учи гель, но все это — лишь игра: ни любовь, ни нравственность не находят выражения в его поведении.

Короче говоря, отсутствие нравственности у психопатов происходит из-за недостатка эроса. Психопаты могут посредством разума понимать нравственность, могут даже имитировать нравственное поведение, но нравственность ничего не значит для них; она не представляет эрос. Если дело обстоит именно так, переживают ли психопаты какие-либо запреты, имеются ли у них какие-то табу? Отступают ли они перед инцестом или перед поглощением собственных экскрементов? Возьмем для примера инцест, распространенный среди индивидов с психопатическими склонностями. Для них инцест — не эмоциональное переживание, которое временами случается между братом и сестрой, охваченными архетипической страстью. Инцест иногда возникает между родителями и детьми, когда никто из них не является психопатом, но притом это сильное, волнующее, шокирующее, греховное переживание, наполненное зловещими предзнаменованиями. Психопатический инцест — нечто совершенно иное; это вовсе не что-то необычное, просто еще один инцидент. Например, психопатический отец может развратить или изнасиловать свою дочь, и не потому, что особенно пленен ею, а просто потому, что от него ушла жена, а он слишком ленив для того, чтобы собраться с силами и попытаться найти себе другую женщину. Подобное поведение наблюдалось у других пациентов, страдающих от нарушений мозговой деятельности, вызванных хроническим злоупотреблением алкоголем.

У меня был следующий опыт общения со своим коллегой, который, как я удостоверился позже, был психопатом. Частично съеденное яблоко валялось на полу туалета. Этот мой коллега спросил: «Поверите ли вы в то, что я спокойно смогу съесть это яблоко?» Я ответил, что не верю ему, после чего он поднял его и съел, не проявляя ни малейшего признака отвращения. Насколько я могу утверждать, психопаты не проявляют обычного отвращения к экскрементам. Некоторые даже рассказывали, что на пари могут без труда съесть собственные экскременты.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОТСУТСТВИЕ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Третий из первостепенных симптомов психопатии — отсутствие какого-либо психического развития — используется как основа для установления диагноза. Хотя он широко практикуется и легко распознается, при этом как симптом он является весьма тревожным и создает источник противоречий. Человек может быть знаком с психопатом в течение многих лет, и он (или она), кажется, нисколько не изменился за это время. Можно работать с психопатом терапевтически или аналитически, не ощущая никакого процесса в таком пациенте. Человек может вступить в брак с психопатом, и ничто не развивается, ничто не сдвигается с места, ничто не изменяется. В лучшем случае мы наблюдаем псевдоразвитие посредством адаптации к внешним ситуациям или исполнения разнообразных ролей.

Этот симптом часто находит свое выражение в сновидениях. Сновидения психопатов, кажется, практически не изменяются в течение ряда лет. Одно и то же происходит снова и снова, в одной и той же манере, без малейшего признака внутреннего развития. Души психопатов кажутся неподвижными. Они сами, их взаимоотношения и их контакты с окружением всегда одни и те же. Они лишь становятся старше, спокойнее, как бы сгорая дотла, причиняя все меньше вреда, чем в свои молодые годы. Серийный убийца превращается в миролюбивого садовника. Человек, поглощавший любовь и состояния бесчисленных женщин, становится скучным домоседом-супругом. Ничто не изменяется в психопатах; в крайнем случае, с возрастом они начинают ощущать усталость. Какой-нибудь оптимист может небрежно заметить: «Да, но спокойствие — это все-таки перемена к лучшему!» Разумеется, это справедливо, если учитывать лишь страдания, которые они причиняли другим, но в действительности мы не можем говорить об изменении и развитии. Это вопрос постепенного уменьшения психической энергии, либидо. Приобрети стареющие психопаты, по той или иной причине, больше энергии, они становились бы столь же опасными, столь же низменными, какими были в свои молодые годы. Неудивительно, что многие психиатры считают психопатию главным образом сексуальной проблемой, проблемой сексуального либидо, ибо психопатические тенденции уменьшаются с возрастом так же, как сексуальное либидо.

Идея о том, что малое развитие или его полное отсутствие имеет место при психопатии, как уже упоминалось, — тема для множества дальнейших дискуссий. Такое явление не

может существовать. Оно врывается в жизнь, вопреки догматам любой гуманистической психологии, опровергая гуманистическую точку зрения человеческой природы. Оно противоречит вере в равенство и особенно остро — идее прогресса. Отсутствие развития сделало бы жизнь бессмысленной, сотрясло бы все наши корни. Нравится нам это или нет, существуют такие индивиды, психопаты, и это нечто такое, чего мы не можем и не должны отрицать. Не имеет значения, вписывается ли это явление в нашу систему воззрений, важно то, как мы поступаем с ними. Шекспир писал в своей пьесе Гамлет: «Горацио, много в мире есть того, что вашей философии не снилось». Мы обязаны включать шокирующие, ужасающие аспекты жизни в это «много того», а не только позитивное и приятное. Конечно, даже мысль о том, что существуют человеческие существа, не способные к развитию и прогрессу, которым недостает качества, кажущегося нам существенной частью того, что определяется понятием «быть человеком».

Отсутствие роста и развития, как и отсутствие нравственности, является результатом слабости или недостаточности восприятия эроса; без эроса не существует развития. Во многих мифологиях новое, растущее, развивающееся изображается в виде ребенка, и то же самое происходит в наших сновидениях. Ребенок может представлять новые возможности, новый потенциал. Однако дитя рождается в результате эротической встречи; встреча с Эросом приносит ребенка в мир. Следовательно, мифологически новое, потенциальное и ребенок должны иметь отношение к эросу. Индивид, внимание которого «эротически» не привлекается, не притягивается к чему-нибудь имеющемуся в других человеческих существах, в областях знаний, в искусстве или где-либо еще, не имеет шанса на развитие. Глядя метафорически, можно сказать, что индивид должен «состоять в браке» с чем-нибудь, hierosgamos Rex и Regina должен иметь место, иначе не существует никакого психического процесса.

Что же можно сказать о святых, ведших отшельническую жизнь? Ими тоже управляет Эрос, хотя и не эрос в связи с другими индивидами или с областями исследований, но эрос по отношению к Богу, или через эрос они приходят к осознанию самости, к тому средоточию души, в которой находится искра божья. Какое бы развитие ни наблюдалось, в каждом присутствует эрос, либо во внутренней психике, либо связывающий нас с чем-то, находящимся вне нас самих.

К отсутствию развития в психопатах относится их страх перед ритуалами инициации, обрядами, символизирующими переход из одной фазы жизни к другой. Осуществляется переход от одного правящего архетипа к другому; архетипическая смена караула

происходит пышно и торжественно, что усиливает значимость и глубину процесса. Существуют ритуалы инициации, когда ребенок становится взрослым; другие, например, представляют достижение мальчиком зрелого возраста. Также существуют ритуалы, знаменующие переход от холостой жизни к семейной. Мы с огромным интересом исследуем подобные ритуалы среди так называемых примитивных, племенных народов: от церемоний, посвященных достижению половой зрелости религиозных индейцев, до брачных церемоний Папуа, Новой Гвинеи, ритуалы, которые мы все переживаем, но редко осознаем как таковые. Конфирмации в католической церкви свойственны черты ритуала инициации: дети, обученные катехизису и посвященные в начала религиозных познаний взрослых, после конфирмации могут участвовать в мессе. Военная служба, особенно начальное обучение, часто воспринимается как выход из ритуала по достижению половой зрелости. Меньшинство, отказывающееся от службы в вооруженных силах, руководствуется различными соображениями: некоторые из них — пацифисты, другие отказываются по религиозным причинам, третьи просто ленивы, остальные, поступая таким образом, отказываются от участия в инициации. Некоторые индивиды последней из перечисленных групп — психопаты, особенно в Швейцарии, где всеобщая воинская повинность — старинная традиция. Это люди, не способные к переживанию психологического развития, которые смотрят любой ритуал, формализующий такое развитие, со страхом и неприятием. Они не только действительно отказываются от воинской службы, они предпочитают также не проходить конфирмацию и предпочитают «скромные бракосочетания», с участием лишь «ближайших родственников». Отвержение этих общественных ритуалов перехода часто расценивается как проявление оригинальности и сомнение в целесообразности общепринятых нравов. В действительности сомнению подвергается не общепринятое, но, скорее, ритуал развития, архетипическая смена караула. У подобных индивидов общепринятые символы психологического развития вызывают отвращение. Можно сказать, что они подвержены некой фобии развития.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ФОНОВАЯ ПОДАВЛЕННОСТЬ

И СТРАХ

Четвертый из первостепенных синдромов психопатии — это то, что мы называем background depression — фоновая депрессия. Подобно отсутствию психологического развития, этот симптом также является противоречивым. В течение долгого времени

существовало убеждение в том, что психопаты не способны переживать печаль. Фактически, говорили, что одним из свойств психопатов является их неспособность к огорчениям. Их печаль — это печаль инвалида. Далее, ее часто характеризуют маниакальные черты: чувство отчаяния, ощущение враждебности к себе со стороны всех остальных. Подобное чувство горестного недоверия часто встречается у глухих. Глухие люди иногда подвергаются приступам отчаяния, когда они не полностью понимают происходящее и то, что говорят другие. Психопаты изолированы от других в гораздо большей степени; ущерб причинен их чувству эроса, не слуховым способностям. Каким-то образом они сознают, что не обладают свойством, волнующим и движущим другими людьми, и это обстоятельство проявляется в их понятной для нас постоянной печали, как и в их постоянной подозрительности.

Хроническая фоновая депрессия — свойство, характерное не только для психопатического синдрома. Мы можем наблюдать хроническую депрессию как основу у многих не-психопатических индивидов или, в крайнем случае, как часть их патологии. По-моему, по меньшей мере пятую часть всех анализандов характеризует такая же сущность. Я предпочитаю говорить о фоновой депрессии и отчаянии, чем об общеизвестной депрессии в случае психопатии. Существует множество различных видов депрессии, для которых можно найти соответствующие образы в мифологии. Когда мы слышим термин «депрессия», большинство из нас думает о замкнутом {saturnine) виде угрюмости. Первоначально Сатурн был богом плодородия, но с течением времени характер его изменялся. В Средневековье Сатурн представлял холодное, тягостное состояние меланхолии, ощущение усталости, отягощенности. В эпоху Возрождения его часто представляли в образах различных видов депрессии: в одном, например, печальная, усталая собака лежит у ног бога, придавая всему изображению тяжелую атмосферу безнадежности. И все-таки угрюмая депрессия Сатурна — всего лишь один из возможных видов подавленного настроения, его не следует путать с хронической депрессией.

Нордическая мифология возникла для выражения того, что я понимаю как психопатическую депрессию, но следует относиться к этой мысли с осторожностью: племена, создавшие свою мифологию, вполне могли относиться к своим сказаниям совсем по-другому, чем мы с нашей современной перспективы. Нордическая мифология лучше других приблизилась к тому сверхъестественному переживанию печали, которое является уделом психопата. Все нордические боги обречены на гибель; всех их ожидают конечная битва и их собственное уничтожение от рук Фснрира-волка (Fenhr)

или приспешников Локи. Корни дерева-мира медленно подтачиваются, и наступает конец света — предрешенный исход. Они ожидали сраженья, они желали сражаться, но знали заранее, каковыми окажутся последствия битвы. Этот мифологический образ — образ неизбежного разрушения и полного уничтожения — подобен фоновой депрессии, сопровождающей психопатов в течение всей их жизни. Полностью отличающаяся от угрюмой (saturnine) депрессии, она не проявляется ни в меланхолической апатии, ни в скупых слезах. В этой форме депрессии нет ничего романтического или поэтического. Некоторые ученые мужи полагают, что новое творение, которое должно последовать за Goetterdaemmerung («Сумерками богов»), стало центральным элементом в мифологии, но не эсхатологическими «сумерками богов». Если дело действительно обстоит таким образом, мифология приобрела некое новое значение, оптимизм, и ощущение развития, которое иначе остается без вести пропавшим.

Эта фоновая депрессия, как я предпочел называть ее, часто влечет за собой самоубийства такого рода, который представляется необъяснимым для внешнего наблюдателя. Может случиться даже так, что жизнь индивида, казалось бы, только начавшая приобретать некоторое подобие упорядоченности, без всякого предупреждения заканчивается самоубийством. Там, где отсутствует Эрос, где не существует ни роста, ни психологического развития, там нет ни смысла, ни причин для продолжения жизни. Мы также встречаемся среди психопатов с тенденцией к так называемому общественному самоубийству — к утрате положения в обществе. Большинство психопатов хорошо адаптируются к обществу. Им часто удается добиться высокого социального положения лишь для того, чтобы разрушить все достигнутое в результате бессмысленного поступка или провоцирующего поведения. Я подчеркнул бы здесь также то обстоятельство, что социальное самоубийство не является исключительно симптомом психопатии, оно может случиться и вследствие невротического состояния.

Пятый первостепенный симптом психопатии — это хронический фоновый страх. Психопаты не доверяют миру. Не зная Эроса, они неспособны разглядеть его в других индивидах, разве что могут видеть его чисто абстрактно. Даже поведение, явно руководимое эросом, кажется им подозрительным: «Что скрывается за ним?» — думают они про себя. Фоновый страх отличается от невротического беспокойства. Страх психопата — редко беспричинный страх страдающего клаустрофобией, находящегося в небольшой комнате, где в действительности для него не существует никакой опасности. Даже в ситуациях реальной опасности они испытывают меньший страх, чем

средний нормальный человек. Они реалистически оценивают такую ситуацию, не проецируя невротические фантазии на действительную опасность. Однако при окончательном анализе оказывается, что психопаты боятся всего и всех. Они, кроме того, всегда недоверчивы, и этот аттитюд проявляется в неожиданных вспышках ярости и ненависти, а временами — в невразумительном мышлении.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

СЕКСУАЛЬНОСТЬ

И РЕЛИГИОЗНОСТЬ

ПСИХОПАТОВ

Отсутствие и недостаток эроса — основа психопатического состояния; каково же положение сексуальности — области, которая, согласно общепринятому мнению, считается наиболее тесно связанной с крылатым божеством? В связи с тем, что эрос действительно слаб или вообще отсутствует в психопатии, сексуальность не воспринимается как предельное выражение глубокого, любовного взаимоотношения между двумя людьми. С другой стороны, она не подвержена влиянию невротических осложнений, которые в окончательном анализе проявляются вследствие недостаточности эроса. Невротики не отличаются недостатком эроса, но он способен вовлечь их в жестокие внутренние конфликты, запреты и недоразумения. В действительности не эрос является причиной таких конфликтов, скорее виновной в них оказывается нравственность — заменитель эроса — со всеми свойственными ей противоречиями.

Мы замечаем, что сексуальность у психопатов оказывается менее сложной и проблематической, чем у так называемых нормальных индивидов. Несложной, да, кроме того, безличной и нелюбящей, что в первую очередь указывает на отсутствие эроса. Физический акт, сексуальность как биологическое явление не доставляет психопату никаких трудностей и даже может быть резко выраженным. В подобной же манере психопаты не испытывают особых трудностей с сексуальными извращениями, будучи способными выражать себя разнообразными способами — гомосексуальным, гетеросексуальным или любым другим. Однако отношение к сексуальности не как к физическому явлению, а как к чему-либо другому вызывает у них проблемы. Символический потенциал сексуальности для выражения всего, от глубоких и любовных взаимоотношений с другим человеческим существом до божественных религиозных чувств, полностью в них утрачен. Сексуальность просто присутствует,

чтобы ее можно было бы использовать столь же просто, как дышать воздухом или выпить воды. Если бы психическое здоровье определялось как свобода от любых запретов, осложнений, непреодолимых влечений и как свобода от любых угрызений совести, психопаты были бы первыми кандидатами на такое состояние. Именно такая свобода придает психопатической сексуальности столь сильную привлекательность для других, особенно для тех, кто остро осознает осложнения, запреты и противоречивую природу своей собственной сексуальности.

А как обстоит дело с религиозностью? Может ли психопат иметь религиозные верования? Могут ли они, если выразиться несколько наивно, верить в Божественное? Ответ должен быть твердым — «Да!». Самость, божественная искра в человеке, так же четко распознается в психопате, как и в любом другом индивиде, — утверждение, объяснимое с точки зрения христианской теологии. Бог в своем всемогуществе может соприкоснуться с любым из Его созданий. Ни один даже наиболее искалеченный инвалид, ни даже существо, в котором полностью отсутствует эрос, не отличаются от других в этом отношении. То обстоятельство, что такие индивиды способны проявлять чувство религиозного переживания, постоянно приводит нас в замешательство, доводя до пределов человеческого понимания и к переживанию божественного.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВТОРИЧНЫЕ СИМПТОМЫ

ПСИХОПАТИИ

Вторичные симптомы психопатии — это те, которые, хотя и не обнаруживаются в каждом психопате, характеризуют различные типы расстройства. Их список не задумывался как полный, но может послужить читателю как основа для наблюдений и установления различий. Он поможет читателю распознавать не только то, кто является психопатом, а кто — нет, но также и сверх того определить все свои собственные психопатические свойства и тенденции. Важным вторичным симптомом психопатии является отсутствие чувства вины. Вы можете спросить, почему я не включил отсутствие чувства вины в первостепенные симптомы, или как может существовать чувство вины в отсутствие нравственности. Однако, как говорит мне мой опыт, в действительности существуют психопаты, испытывающие чувство вины, хотя эта вина особенного и своеобразного характера. Вообще говоря, психопаты проживают в окружении, структурированном на основе неких моральных принципов, некоторого

ощущения эроса. Вследствие этого у психопатов возникает ощущение, что у них что-то не совсем в порядке, что манера их действий не вполне нормальна. Окружение представляется им враждебным. Неспособные к пониманию или к нормальному отношению к людям, находящимся в их окружении, они замечают, что их побуждения отличаются от побуждений других. Они ощущают себя одинокими, неверно понятыми и отверженными. Часто они и сами отвергают общество. Они ощущают порицание, признание своей непригодности. Они сознают, что поступают неправильно, но не могут понять, почему это происходит. У многих психопатов создается впечатление, что они всегда оказываются в неуместном положении, что они никогда не делают ничего правильного, что они вечно виновны. Почему так происходит, они не знают. Терапевт должен быть очень внимательным, чтобы не спутать это разнообразие чувств вины с виной, происходящей из нравственного конфликта, и не поверить в то, что наличие чувства вины указывает на наличие нравственных принципов.

Я говорил о том, что чувства вины или их отсутствие являются вторичным симптомом, хотя и не все психопаты страдают из-за него. Можно обнаружить даже обратное явление, а именно; вместо того чтобы предполагать, что все совершаемое ими в основном неправильно, некоторые психопаты безоговорочно перекалывают всю вину на других. В этом отношении психопаты не слишком отличаются от «нормальных» человеческих существ: некоторые стремятся относиться к жизни и ее опытам обособленно, в то время как другие воспринимают все слишком упрощенно.

Следующим вторичным симптомом является отсутствие любого реального понимания или инсайта. Подобно отсутствию чувства вины, отсутствие инсайта часто рассматривают как характеристику психопатии и потому относят его к первостепенным симптомам. Когда я говорю об отсутствии инсайта, то подразумеваю под ним то, что некто может обладать способностью к постижению рассудком и к пониманию проблемы, но такой инсайт никоим образом не является плодотворным. Часто предполагается, что психопаты никогда не извлекают чего-то полезного из собственных опытов. Мне эта ситуация представляется в несколько ином свете. Некоторые преступники-рецидивисты действительно не извлекают никакой пользы из своего прошлого, независимо от того, обладают ли способностью к инсайту или нет. Социально адаптированные психопаты заявляют, что понимают свои затруднения, связанные, например, с семейной жизнью, но их инсайты оказываются совершенно бесполезными. Психопаты, независимо от того, адаптированы ли они к общественной жизни или нет, живут, если можно так выразиться, в совершенно другом мире, чем мы. Можно сказать, что они действуют на

основе абсолютно иной системы координат. Многие из очевидных инсайтов, не приводящих к соответствующим выводам в их последующей жизни, полностью являются результатами внешнего давления. Окружение силой вынуждает их принимать его нравственные категории и ценности, что выражается в «инсайтах». Позвольте мне привести один пример.

Социально плохо адаптированный психопат, семнадцатилетняя девушка, была принудительно помещена под надзор в исправительное заведение из-за последовательных арестов за совершения краж. Ей было сказано, что она будет находиться под надзором в этом заведении от четырех до шести месяцев, после чего будет определено, что наилучшее для нее возможно будет сделать. Ей дали понять, что ее пожелания будут приняты во внимание и послужат определяющим фактором в решении этого дела. Две недели спустя она сбежала, через пять дней поймана полицией, сбежала снова тремя неделями позже, снова была задержана и т. д. и т. п. Всякий раз, возвращаясь в исправительный центр, она признавала безрассудство своего поведения. «Действительно, нет никакой причины сбежать отсюда только потому, что мне здесь не нравится. Меня снова поймают, и каждый раз, когда я сбегаю, мой срок задержания только удлиняется. Действительно, я просто глупа. Нужно отсидеть положенный срок и посмотреть, что из этого выйдет». На самом деле, она не высказывала свой инсайт, но просто говорила то, что, как ей было известно, люди хотели услышать от нее. Ее настоящее переживание и инсайт совершенно отличались от сказанного и на самом деле состояли примерно в следующем: «Побег — волнующее занятие, настоящее приключение. Первым делом я должна найти способ как-то устроиться, провести ночь с подходящими парнями и испытать все виды интересных приключений. Какое потрясающее чувство — знать, что полицейские ищут тебя. Когда меня поймают, придется провести ночь в участке, что также небезынтересно. Затем меня снова направят в исправительный дом и начнут читать лекции. Моя учительница будет снова рвать и метать, но мне она не нравится в любом случае. Чем чаще я стану удирать, тем больше получу удовольствий. Мне все равно, когда они закончат свои "наблюдения"; они запихнут меня в обучение чему-нибудь или сделают что-либо в таком же роде. Тогда у меня не останется никакой настоящей причины сбежать и слоняться где-нибудь подальше от города, а, кроме того, полиция больше не будет искать меня».

Вот так девушка рассказала о своем видении этой истории, случайно оказавшись в ситуации, когда испытала потребность быть честной и открытой. Я должен также

упомануть о ее чувствах и аффекте к своему окружению, о том, что она была неспособна выразить, но что оказалось приблизительно таким: «Я как-то отличаюсь от других людей. Никому не нравлюсь, и каждый, кажется, живет по другим правилам, чем я. Я чувствую себя лучше, когда ситуация четко определена, другими словами, когда меня упрятывают под замок, и я знаю, что меня будут держать там против моей воли. Тогда все люди — против меня, и я сама могу быть против них. Ситуация, в которой люди заботятся обо мне, кажется мне жуткой. Я и в самом деле не понимаю, почему они испытывают столько неприятностей из-за меня. По мне, лучше драться, чем испытывать такое сентиментальное обращение».

Люди, хорошо изучившие психопатов, отлично сознают, что так называемое отсутствие содержательных инсайтов на самом деле является ничем иным как недопониманием со стороны терапевтов. Их инсайты бессодержательны потому, что психопаты переживают события в совершенно другой манере, чем та, которую мы ожидаем от них. Иногда встречаются случаи, когда, вопреки установившемуся взаимопониманию между терапевтом и пациентом, инсайты, вполне понятные в контексте переживаний пациента, не приводят к дальнейшим последствиям. Только тогда можем мы, терапевты, говорить об отсутствии любых реальных инсайтов.

Другой вторичный симптом, важный для каждого имеющего дело с психопатами, — это их способность вызывать к себе жалость; жалость того же рода, которую мы испытываем по отношению к инвалидам, или сопереживание беспомощным и больным детям. Как можно помочь еще, как ни проявлением жалости к этим людям, особенно когда ощущаешь их фоновую депрессию и атмосферу отчаяния? Они кажутся совершенно беспомощными, потерянными в мире, которому не принадлежат. Снова и снова они предпринимают попытки приспособиться и справиться в той манере, которая, как правило, чуть-чуть не достигает цели. Они — вечные странники, вызывающие в нас страстное желание помочь, — чувство, испытываемое нами по отношению к беспомощным человеческим созданиям. Нередко такая жалость создает затруднения, и многие становятся ее жертвами. Мы часто пытаемся быть добрыми к этим «бедным» людям — наша жалость вполне оправдана. Однако проблема состоит в том, что психопаты с готовностью манипулируют людьми из своего окружения именно посредством такой жалости к себе. Часто жертвами такой жалости оказываются женщины: возникают материнские инстинкты, или констеллируется архетип кормилицы. Они хотят защищать и заботиться о несчастном, слабом создании, и это объяснимо, ведь психопаты ударяют по защитительным струнам и взывают к желанию

помочь и исцелить. Те, кто имеют дело с психопатами, с готовностью уступают фантазиям о спасителе. Столкнувшись с явлением, которое просто не имеет права на существование, которое как-то должно быть изменено, они твердо намереваются спасти этих индивидов.

Я не должен пренебречь упоминанием об их очаровании, еще одном вторичном симптоме. Бесспорно, очарование, которым обладают многие психопаты, способно с легкостью обольщать и доставлять удовольствие с изящностью и утонченностью. Так как эрос не вмешивается в их отношения, они могут спокойно пользоваться всем своим арсеналом обманных способов без всяких запретов и угрызений совести. Они знают, сознательно или бессознательно, что именно может польстить или доставить удовольствие. Так как любовь и нравственность не являются их попутчиками, им часто удается практически всецело околдовывать окружающих. Следует признать, что общение с психопатом, обычно не вызывающее неприязни, может даже оказаться успокоительным и смягчающим. Как правило, они не предъявляют нам претензий нравственного порядка; фактически, они вообще ничего от нас не требуют. Каждое подлинно близкое общение утомительно; взаимоотношения требуют приложения некоторых усилий. В реальности люди, руководствующиеся в своей деятельности Эросом или его заменителем — нравственностью, всегда чувствуют себя слегка утомленными. Они вполне могут пожелать расстаться на некоторое время с моралью и говорить и действовать по случайному настроению. В общении с психопатами наши собственные угрызения совести исчезают. Нельзя утверждать, что нам необходимо превращение в безнравственных, вернее, у нас возникает ощущение, что нравственность — не предмет наибольшей значимости, и сомнение в том, что, уклоняясь от удовлетворения собственных потребностей, мы всегда проявляем нравственность. Мы можем по настроению посмеяться и посплетничать о других и, по крайней мере, доставить себе удовольствие погружением в собственные фантазии. Однако общение с психопатом забывается столь же быстро, сколь размягчающим и успокоительным оно оказалось для нас. Так случается не только потому, что такой опыт оставляет за собой чувство опустошения, скорее, такое общение само по себе — пустое. Оно — не то, в чем можно испытывать недостаток.

Всегда оставаясь бдительным на случай возможного неправильного понимания, я должен сказать, что обратное утверждение несправедливо просто потому, что, если мы радуемся общению с кем-то, нам не следует делать вывод, что этот индивид — психопат. Некоторые люди обладают талантом общения, не приводящим их

собеседников к ощущению неловкости, создающим общее хорошее настроение. Это — особая разновидность эроса; теплота, глубина отношений, нечто совершенно другое, в сравнении с общением с психопатом.

В скобках я мог бы добавить, что психопаты пробуждают зависть. До определенной степени нам хотелось бы походить на них, не обремененных нравственностью с ее угрызениями совести и напряженностью, нравственностью, часто оказывающейся причиной наших неврозов. Кроме того, кажется, психопаты стареют медленнее, их лица остаются на зависть гладкими, не покрывающимися паутиной морщин и глубокими складками — следами, оставленными конфликтами и беспокойством, — как лицо Дориана Грея в романе Оскара Уайльда. Внешность женщины-психопата часто кажется почти девической, если даже она давно достигла пожилого возраста.

Но вернемся назад, к вторичным симптомам. Я считал бы асоциальное или преступное поведение вторичным симптомом. В то время как каждый психопат страдает от пяти первостепенных симптомов или проявляет их в своем поведении, любой отдельно взятый психопат может, хотя и необязательно, выказывать один или более вторичных симптомов. Это явление достаточно серьезно, если речь идет об асоциальном поведении: любой психопат может оказаться асоциальным. Я мог бы зайти столь далеко, что стал бы утверждать, что асоциальное, преступное поведение относительно редко встречается среди психопатов. Вполне понятно, хотя и прискорбно, литература на эту тему концентрируется именно на этом аспекте. Многие психопаты-преступники помещались в больницы для душевнобольных или заключались в тюрьмы, а затем становились объектами исследований и наблюдений. Социально адаптированные психопаты не столь легко поддаются наблюдениям. В лучшем случае нам удастся познать их на основе личных отношений. Терапевты, психиатры и психологи почти не контактируют с ними, так как психопаты, как правило, не проявляют намерений искать помощи в терапии. К несчастью, многочисленных преступников или асоциальных индивидов часто признают психопатами, в то время как они не являются таковыми. Вследствие этого я намеренно привел два примера асоциального поведения, в которых диагноз психопатии был неправильным: первый случай относился к члену субкультуры, второй — к заброшенной всеми молодой девушке. Мы должны отличать психопатию от пренебрежения, даже если наблюдаем в обоих случаях общие симптомы.

Пренебрежение — это социально-невротическое нарушение развития; психопатия таковой не является.

При наличии соответствующих обстоятельств и условий большинство психопатов может

превратиться в преступников. Они с большей вероятностью, чем другие индивиды, подвергаются риску вступить в противоречие с законом. Социально адаптированные психопаты уклоняются от совершения криминальных поступков не потому, что в основном противостоят им, а потому, что хотят приспособиться к окружению. В любой момент психопатический предприниматель может дойти до самого крайнего предела разрешенного. Он может даже рисковать и время от времени переходить эту границу, и даже оказываться пойманным при этом. В таком случае мы не имеем дела с социальным поведением как с вторичным симптомом, но с поведением, допускающим определенный риск.

Среди психопатических преступников — несомненно, все они преступные психопаты — мы находим, с одной стороны, безвредных, слабых индивидов, и опасных, агрессивных — с другой. Безвредные переживают хроническое пребывание в местах заключения как захват во время своей непрерывной партизанской борьбы против их так называемого нормального окружения, хронического конфликта, в действительности порожденного их собственной особой формой инвалидности — отсутствием эроса, нравственности и т. п. Общество играет в соответствии с правилами, которые, вопреки ханжеству и лживости, в основном продиктованы эросом и нравственностью. Таким образом, для психопатических людей правила общества оказываются чужеродными, даже смехотворными. Они не видят смысла в этих правилах, а потому с легкостью их нарушают. Таким индивидам не хватает силы и тщательности для адаптации к миру с его враждебными правилами и нормами. Они сравнимы, например, с иностранцем, живущим в Соединенных Штатах в течение двадцати лет, не знающим ни единого английского слова, и при этом жалующимся на всех и вся.

Жестокие психопаты гораздо более опасны, чем слабые. Каким-то образом природа одарила их значительной мерой агрессивности. Все мы более или менее агрессивны, в большей или меньшей степени способны постоять за себя. Тот, кому не дано переживание эроса, и сверх того чрезвычайно агрессивен, обречен на столкновения со значительными трудностями. Мир оказывается чужеродным для психопатов, и, как иностранцы, они не могут доверять своему окружению, так как все они питают враждебность к обществу. Ното homini lupus (человек человеку волк). В определенных обстоятельствах сочетание резко выраженной агрессивности с безнадежным ощущением враждебности в незнакомом мире может привести к жестокости, убийству и насилию. Некоторым из таких агрессивных психопатов удастся направить свою агрессивность в русла социально приемлемых направлений, где их уважают и

опасаются, и именно по этой причине они добиваются экономических успехов. Их семьи и деловые партнеры — вот те, которые вынуждены страдать от их безрассудной жестокости.

Мы можем также столкнуться с некоторыми формами скуки как с вторичными симптомами психопатии. Жизнь с практическим или полным отсутствием эроса или нравственности может с легкостью превратиться в мрачное монотонное существование. Психопатические индивиды могут призвать на помощь лишь ограниченное количество внутренних резервов. Если они удачливы, Эрос действительно вмешивается в их жизнь, появляясь в разнообразных масках хотя бы на краткое время в виде какого-либо интереса, как например, к садоводству, к рукоделию или к живописи. Когда Эрос удаляется от них вообще, вакуум заполняется бессмысленной или разрушительной деятельностью. Такие индивиды как одержимые безрассудно мечутся от одного вида активности к другому. Частичное их притяжение составляет автомобильная езда (разумеется, не только она), потому что при этом заполняется определенный психопатический вакуум. Пронесаясь по скоростным магистралям на скорости восемьдесят миль в час и повергая в ужас законопослушных водителей, «подрезая» их на опасно близких дистанциях, они могут испытывать радость от такого времяпровождения. Некоторые люди находят подобное очарование в путешествиях, посещая зарубежные страны, подвергаясь воздействию бесконечных новых впечатлений в большей степени для заполнения внутренней пустоты, чем из интереса к другим людям и культурам. Блез Паскаль в своих *Pensees* («Мыслях») говорит о *divertissements* (отвлечениях). Подобное же символическое значение можно усмотреть в стремлении к теплу в направлении южного солнца, которое проявляют многие туристы. Человек почти маниакально компенсирует внутреннюю холодность внешним теплом; он освещает внутреннюю темень сияющим солнцем Флориды. Мы устремляемся к географическому югу, чтобы уклониться от полярного ледяного чехла нашей души. Уместно упомянуть в этом контексте о «реактивной публике» — узком круге богатых путешественников, источнике фантазий Уолтера Митти⁷ и иллюзий Мэдисон-авеню. Этот термин вызывает образы того социального класса, представители которого летают по всему миру на реактивных самолетах и чувствуют себя везде как дома: завтрак в Цюрихе, ужин в Нью-Йорке и столь же хорошо знают Лондон, как Рио-де-Жанейро. Мы воображаем себе непринужденно-светские, учтивые и элегантные пары, пересекающие национальные и общественные границы, очевидные, пустившие корни повсюду, но в действительности не имеющие корней вообще.

Переживание эроса должно укореняться. Эрос привязывает к особенному и конкретному, к семье, к социальному классу, к культуре, к народу, к языку и к нации. В отсутствие эроса человек не имеет связей, он, не имея корней, парит над миром. Как я неоднократно должен утверждать, все мы частично являемся психопатами. Возможно, именно поэтому мы столь легко попадаем на крючок к «реактивным» фантазиям и иллюзиям.

Карьеризм также следует отнести к вторичным симптомам. Герой де Мопассана Belami («Милый друг») представляет собой точное описание этого психологического явления. Вся энергия Belami концентрируется на достижении высшего ранга социальной лестницы и обретении признания в этом положении, независимо от ущерба, нанесенного окружающим или этике. В таком общественном карьеризме проявляется трагедия психопатов, их одиночество и отчаяние. Как посторонние среди человеческих существ, инвалиды, которым не достает чего-то существенного, могут компенсировать свои отличия от окружения только социальным успехом. Их страдания, их депрессия и их неспособность любить и быть любимыми до некоторой степени умиротворяются общественным признанием. В основном асоциальные, не связанные с обществом, в котором они живут, психопаты считают себя утвердившимися, достигая определенных уровней этого самого общества. Кроме признания, которого они достигают, психопаты обретают также и ощущение собственной власти. Те, которые не способны относиться к другим на уровне эроса, могут относиться к ним на уровне власти.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПСИХОПАТЫ И КОМПЕНСАЦИЯ

Когда я рассказываю о компенсации в этом контексте, я имею в виду уравнивание психических недостатков с помощью особых усилий: например, люди, не обладающие врожденным ощущением времени, постоянно взглядывают на свои часы и оказываются чрезвычайно пунктуальными. Работа с компенсированными психопатами уводит нас от пациентов клиник для душевнобольных и приближает к человеку с улицы, к такому же, как вы и я.

Крайности в психологии встречаются редко. Говоря практически, не существует такого явления как «чистый» психопат. К тому же встречается лишь малое количество индивидов, не проявляющих по крайней мере нескольких психопатических свойств. Большая часть человеческого племени находится где-то между психопатией на одной границе спектра и святостью на другой. Святые, в союзе с которыми можно всегда

обнаружить Эрос, не нуждаются в его заменителе — нравственности; а «чистые» психопаты, не испытывающие переживаний эроса, также не нуждаются в его дублере. Для тех, кто пребывает между двумя этими полюсами, чем сильнее их чувство эроса, тем слабее потребность в нравственности. Здесь я снова вынужден говорить о тех, кто находится в опасной близости к краю психопатического спектра, о тех, кто обладает лишь едва теплящимся ощущением эроса, о тех, в которых его представитель, нравственность, с трудом заполняет образовавшиеся пустоты.

Индивиды, приблизившиеся к психопатической крайности, в целом не испытывают потребности в нравственности, но реально ощущают некую слабость, осознание того, что в них что-то отсутствует, и это ощущение их пугает. Кроме того, они подозревают, что их любовь не полностью представляет то, чем она могла бы или должна была бы стать. Для адаптации они начинают компенсировать эти недостатки, становясь более жесткими в нравственном отношении. Для того чтобы не оказаться в состоянии полной нравственной апатии, или, если возможно, предотвратить такое падение, они превращаются в маниакально нравственных, отстаивающих основы морали для самих себя и других более фанатично, чем кто-либо другой. Существуют люди, бесконечно толкующие о принципах, всегда беспокоящиеся о «господстве принципа» (the principle of the master). Они столь углублены в эти принципы, что никогда не замечают потребности в капле сострадания, в человеческой доброте в качестве компенсации. Компенсированные психопаты стремятся найти такие занятия, в которых люди, работающие с ними, помогали бы им поддерживать строгую мораль, занятия, в которых строгая нравственность является актуальной темой. В связи с этим нам не следует удивляться, если обнаружится большое количество компенсированных психопатов в так называемых службах оказания помощи: в педагогике, психиатрии, на социальной работе и т. п. Например, духовному лицу трудно жить совершенно безнравственно. Его профессия предоставляет ему моральные полномочия, он является представителем Эроса в высочайшем смысле этого слова, его задача состоит в убеждении других в том, что его ценности — основные, принципиальные. Его профессиональная роль облегчает ему укрепление обороны собственной нравственной слабости и почти полного отсутствия ощущения эроса.

Вследствие того, что компенсированные психопаты не могут зависеть от эроса, их эго вырабатывают некую моральную систему, надежную в любой и каждой ситуации. В результате, каким бы парадоксальным он ни показался, обычно формируется хорошо развитая нравственность, подчеркивающая роль эго, но удручающая отсутствием

любви. Компенсированные психопаты постоянно, не считаясь с любыми затратами, поощряют нравственные правила, фанатически защищая свои моральные системы. Случись такое, что они ослабили власть над своим нравственным кодексом, вся бы эта структура благополучно рухнула, как картонный домик, разоблачив их психопатическую природу. Все это напоминает кулинарию: плохой повар рачительно придерживается указаний рецепта, в то время как одаренный от природы может изменить то и другое, повинувшись своей мгновенной причуде.

Компенсированные психопаты играют значительные роли в обществе и в истории. Чем более компенсированными они являются, иными словами, чем более им приходится компенсироваться, тем более зловещими они становятся. Все нацистские функционеры, осуществлявшие руководство концентрационными лагерями и надзиравшие за уничтожением тысяч и тысяч человеческих существ; все подчиненные Сталина, которые во времена советских чисток руководили арестами и казнями бесчисленных индивидов; все прихлебатели Мао, столь успешно проводившие в жизнь «исчезновения» огромных групп китайского населения, все они, конечно же, были компенсированными психопатами.

Мне напомнили об Адольфе Эйхмане (немецком нацистском чиновнике, который, возглавляя Еврейский отдел гестапо, был главным ответственным за организацию «Окончательного Решения»), о человеке, относительно сознательном психически и заслуживающем доверия. Не будучи дьявольским чудовищем, он являл собой скорее классический пример компенсированного психопата, сознательность которого намного превышала сознательность большинства индивидов. Он превосходно и преданно исполнял «долг» по уничтожению своих собратьев — человеческих созданий, но сама эта преданность «долгу», отражавшая его отчужденность в этом мире, из-рыгала его собственную отвратительную ненависть ко всем человеческим существам, которые не были похожи на него самого. Комендант концентрационного лагеря написал в дневнике перед концом войны: «Сколь печально то, что я не могу более выполнять свои дневные нормы в газовых камерах. Мне не хватает ни кадров, ни достаточного количества припасов. Каждую ночь я отправляюсь спать с угрызениями совести, так как не способен выполнять свой долг». Можно осознать, насколько добросовестным был этот человек. Классический компенсированный психопат, он обладал сильной, твердой «моральной» системой, но не имел ни в малейшей степени чувства эроса. Нравственность, ищущая замены эросу, превращается в фарс, переходящий в карикатуру.

Возможно, компенсированные психопаты — наиболее надежные сторонники любого диктаторского режима, подчеркиваю, «компенсированные». Диктатор не может функционировать, если его окружают только «чистые» психопаты, — его режим, ничего не достигнув, в конце концов рухнет в полном хаосе. Подчиненные диктатора должны быть сознательными и послушными, иными словами, компенсированными психопатами. Подводя итоги, можно сказать, что симптомы компенсированных психопатов состоят в следующем: нравственная жесткость, страсть к нравоучениям, маниакальное соблюдение долга и порядка, педантичная приверженность к любому и каждому правилу и чрезмерная добросовестность.

Предупреждение, высказанное мною в связи с «чистыми» психопатами, относится и ко всему тому, что касается компенсированных психопатов. В мои намерения не входит размещение нас по одну сторону, а компенсированных психопатов — по другую. Все мы имеем психопатические свойства, которые стараемся компенсировать. Моя главная забота состоит в том, чтобы мы осознали, как мы компенсируем свою психопатию, как компенсируем свои *lascivae*, так как считаю не требующим доказательства утверждение, что ни один из моих читателей не причисляет себя к святым.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

АГРЕССИВНОСТЬ, ТЕНЬ И ЭРОС. ЧУДО, СОСТОЯЩЕЕ В ТОМ, ЧТО ПСИХОПАТЫ НЕ ПРАВЯТ МИРОМ

В предшествующей дискуссии о первостепенных, вторичных и компенсированных симптомах психопатов я лишь вкратце рассказал об агрессивности. В связи с тем, что множество людей связывает психопатию с агрессией, следует что-либо сказать по этому поводу, хотя бы во избежание недоразумений. Прямо с самого начала позвольте установить различие между агрессивностью и основой или сущностью того понятия, которое мы называем тенью, — различие, установленное юнгианцами, но которое в большинстве психологических текстов представляется чем угодно, но только не четким определением. Агрессивность — это способность бороться, побеждать, самоутверждаться, но также и избавляться от своих противников, не испытывая неприятностей, вызванных слишком сильными угрызениями совести. Агрессивность — это желание победить своего противника, это также желание продвинуться вперед самому. Например, адвокаты пытаются выиграть свои дела не для нанесения ущерба другой стороне, но для того чтобы они и их клиенты могли достигнуть желаемого. Как определено в юнгианской психологии, тень состоит из нескольких различных

уровней. Мы определяем тень как те основы, чувства, эмоции, идеи и представления, с которыми не можем отождествлять себя, которые вытесняются благодаря воспитанию, культуре или системе ценностей. Тень может быть в основном индивидуальной или в основном коллективной: первой — когда каждый из нас в отдельности, лично проявляет особенные психические свойства, второй — когда целая культура или субкультура осуществляет это вытеснение. Например, определенные концепции сексуальности и инстинкта можно отнести к тени. В отдельно взятой семье гнев может рассматриваться как нечто настолько предосудительное, что по мере роста детей они не будут выказывать его открыто, и он может существовать только в сфере тени. Другой пример — это разрыв между официальной терпимостью по отношению к другим национальностям или расам и расизмом, тайно процветающим как часть нашей коллективной тени.

Можно заметить, что тень — это сложный вопрос, состоящий из нескольких элементов. Вследствие того, что она является комплексной, она содержит в своей основе архетипическую сущность — возможно, врожденный потенциал, предвещающий, быть может, инстинкт убийцы или самоубийцы, который является разрушительным как для самой личности, так и для ее окружения. Вопрос, получивший широкое рассмотрение, заключается в том, содержится или нет такой элемент в человеческих существах.

Психологи-юнгианцы полагают, что человеческая природа включает некий архетип, который от начала является деструктивным, — фрейдистский инстинкт Танатоса, инстинкт к разрушению и саморазрушению. Было бы нетрудно заключить, что тень с ее деструктивной основой и агрессивной компонентой представляет главный вопрос в понимании психопатии, особенно если мы рассматриваем психопатов как индивидов, совершающих шокирующие и агрессивные поступки. Однако вспомним, что мы различаем агрессивность — или инстинкт самоутверждения — и теневой элемент психической тенденции к разрушению.

Как я утверждал ранее, мы можем рассматривать агрессивность как некий квант, некое количество чего-то такого, чем некоторые индивиды обладают в большей мере с поры самого раннего детства. Все мы знаем агрессивных людей, которые в отсутствие эроса компенсируют свою агрессивность дифференцированными нравственными принципами. Они заставляют свою каким-то образом упрощенную агрессивность служить им не для достижения благополучия, для ведения образа жизни, отстаивающего добродетель. С другой стороны, психопаты или компенсированные психопаты используют агрессивность для достижения собственных эгоистических

целей. Компенсированные психопаты с большой агрессивностью господствуют над своими соучениками, семьей или коллегами по работе посредством своей жесткой, непреклонной нравственности. Однако когда наличествует лишь небольшая доля агрессивности, получается совершенно другая история. Оба они, индивид с некоторым переживанием эроса и компенсированный психопат, испытывают затруднения при самоутверждении и достижении своих целей, независимо от того, каковы эти цели. Даже эта архетипическая основа тени, которую мы назвали, в конечном счете, деструктивными элементами убийства и самоубийства, на самом деле не имеет столь большого значения для реальной проблемы психопатии. Эта основа тени присуща нам всем, и она является предметом всеобщей заинтересованности. Она приводит нас в состояние шока, когда мы видим, как она действует в нас самих и в других, это нечто, что можно наблюдать на скоростных магистралях любой страны: в самоубийственном способе вождения автомобиля; особенно очевидно она проявляется в юных рокерах, в их дерзком пренебрежении жизнью и состоянием здоровья как собственными, так и в отношении окружающих, в их заигрываниях со смертью, искушающих эту жестокую жницу. Хотя убийственные элементы обычно оказываются более глубокими, чем самоубийственные, мы временами наблюдаем их, когда водитель проскальзывает мимо пешехода на перекрестке или обгоняет медленно движущийся школьный автобус. Обычно требуется настоящая война, чтобы выявить в себе «убийцу», и тогда нас ошеломляет то, как в называемых нормальными людьми, не психопатах, не в компенсированных психопатах, одновременно совмещаются убийство своих человеческих собратьев и отвращение и презрение к себе самим. Даже косвенное удовольствие, испытываемое нами от детективного романа, наполненного убийствами, или от жестокости некоторых фильмов, кажется, напоминает нам о наших собственных склонностях к убийству.

В то время как убийственные и самоубийственные аспекты могут казаться нам сверхъестественными или даже нечеловеческими, они являются ключевыми для наших жизней, так как связаны с творческим потенциалом души. В своей книге *Moses* («Моисей») Леопольд Шонди (Szendif) показывает, как людям, обладающим истинно творческим потенциалом, свойственны и деструктивные качества. Шонди демонстрирует свои доводы на примере Моисея, «история болезни» которого начинается с убийства египтянина-надсмотрщика и заканчивается его становлением отцом нации, вождем и законодателем в одном лице. Возникает искушение сделать вывод о том, что сильная архетипическая тень, то, что мы называем убийственными и

самоубийственными компонентами, приводит к высокой творческой способности, если тень сочетается с равносильным ощущением эроса. Тот же самый конфликт, конфликт между любовью — к своему ближнему, к своему окружению, к своей душе — и убийственной страстью к разрушению, вынуждает индивида доходить до пределов основы существования. То, что убийца стремится разрушить, эрос пытается восстановить, и из этой смеси — разрушения и восстановления — вырастает нечто творческое, происходит рождение Творца.

Хотя ярко выраженная архетипическая тень не является неременной характеристикой или определением психопата, тень в отсутствие эроса, способная принести значительный ущерб, ему свойственна. Подобно тому, как некоторые виды психопатов добровольно уступают сексуальности в любой ее форме, несомненные психопаты, иногда, в сущности, без особых колебаний, начинают существовать за счет тени: убийство/самоубийство. Результаты часто оказываются шокирующими, чудовищными; это — поступки, в действительности, случающиеся не столь часто, как нас стараются убедить, но на которые ссылаются как на типичные для психопатов. В первую очередь надо отметить, что существует не слишком много чистых психопатов, и они редко обладают особо сильными, или архетипическими тенями. Далее, желание адаптироваться и господствовать в окружающем мире, даже если этот мир оказывается враждебным к ним, обычно заставляет психопатов держать себя в руках, когда им приходится жить за счет своей тени.

Вследствие того, что психопаты обеспечивают особенно плодородную почву для развития наших собственных теневых проекций, мы не испытываем к ним жалости, ненавидим их, усматривая в них наш собственный деструктивный потенциал. В действительности, мы превращаем в демонов тех психопатов, которые привлекают к себе внимание криминальными или псевдокриминальными поступками. Мы представляем демонами тех, которые совершают убийства и поражают нас своей кажущейся невинностью при непосредственных встречах с ними. Отвратительные мошенники и жулики представляются нам воплощениями самого Сатаны. Мы наслаждаемся чтением книг, герои которых достигают известности своим безнравственным, дерзким отношением к жизни, которые не останавливаются даже перед убийством. Мы представляем их оружием дьявола и разрушения, и это мнение существует несмотря на то, что на самом деле они являются просто инвалидами, человеческими созданиями, которым не достает чего-то существенно человеческого. Вопреки столь распространенному мнению, у психопатов или компенсированных

психопатов имеются определенные преимущества.

Многие из них сравнительно легко приспосабливаются к обществу, не обременяя себя никакими нравственными или невротическими угрызениями совести. Они замещают отсутствие любви или подлинно близких взаимоотношений любовью к власти, чем-то другим, чего могут достигнуть без особых затруднений благодаря отсутствию нравственных или относящихся к эросу ограничений. Даже компенсированный психопат может найти повод для оправдания неограниченной власти, которой он добивается, не выходя из рамок строгой морали. Неудивительно, что психопаты занимают столь высокие общественные положения, удивительно то, что иногда они лишаются этих постов.

Позвольте мне выразить эту мысль несколько по-другому. Одной из главных проблем любого общества, любой политической или солидной организации вообще является предотвращение возможности постепенного завоевания главенствующего положения в них беспринципными, социально адаптированными психопатами. Существует множество государств, в которых эта проблема остается все еще далекой от разрешения. Существуют определенные страны, политические организации в которых поощряют психопатов занимать властные посты, даже если в этих странах только психопаты и могут достичь таких положений. Нетрудно себе представить, в каком духе управляют такими нациями. Хорошим примером является нацистская Германия. Бывший Советский Союз и все диктаторские формы правления, независимо от того, представляют они левые или правые режимы, конечно, до какой-то степени возглавляются психопатами. Вероятно, Сталин был психопатом с ярко выраженной тенью и с решительным стремлением к власти. Троцкий, вначале бывший его другом, был в большей степени идеалистом. Но посмотрите: Сталин умер естественной смертью, дожив до глубокой старости; Троцкий был убит. Кажется, есть доля истины в поговорке «хорошие умирают молодыми».

Может возникнуть вопрос, как в демократической стране можно помешать психопатам в обольщающем их стремлении пробить себе путь к вершинам власти. Власть административных чиновников наивысших рангов столь строго ограничена, например, в Швейцарии, что вряд ли она искушает психопатов. Мне кажется более значительным то, чтобы люди были способны видеть сквозь психопатов, видеть сквозь собственные психопатические наклонности. В большинстве демократических государств эта способность достаточно хорошо развита, так что обычно представляющий опасность психопат определяется еще до того, как он или она появятся на политической сцене.

Я убежден в том, что демократия, граждане которой не способны отличить психопата, может оказаться разрушенной жаждущими власти демагогами. В Швейцарии сопротивление в отношении «великих людей» и предпочтение им средних политических фигур, возможно, возникают из инстинктивного желания помешать психопатам придти к власти. Хотя понятие «великий человек» и существует, многие такие личности, возможно, являются ничем иным как просто неопознанными психопатами. Подумайте о таких исторических персонажах как Александр Македонский, Чингисхан, Наполеон, Вильгельм, германский император и многие другие более или менее выдающиеся лидеры прошлого и настоящего. Эти «великие» преступники — в число их следует включить Гитлера и Сталина — истребили миллионы человеческих жизней. Сами они, недоразвитые «эротически», обрели признание и власть над обществами, в которых ощущали себя изгоями, власть, необходимую им для поддержания иллюзии, что они действительно принадлежат этим обществам. Счастлива та нация, которая быстро расправляется с такими «великими» мужчинами (и женщинами).

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ОБРАЩЕНИЕ С ПСИХОПАТАМИ

Психопаты редко обращаются за помощью к психотерапии. Когда это случается, обычно они уступают внешнему давлению — как, например, воздействию суда, пытающегося прояснить вопросы, возникшие при расследовании преступления, или когда одному из партнеров в браке угрожают разводом, и он обращается к терапии для выяснения, можно ли спасти хотя бы что-то из брачных взаимоотношений. Можно почти всегда гарантировать, что такой пациент не является психопатом, если он обращается к терапии, веря в то, что нуждается в помощи, и в то, что посредством тяжелого труда и преданности можно найти выход из его затруднительного положения. Я редко встречал в своей практике психопатов, не пребывавших под неким общественным давлением, хотя временами фоновая депрессия и отчаяние заставляют психопата самостоятельно искать психиатрической или психотерапевтической помощи. Это те случаи, когда удастся подступиться несколько ближе к психопатам, когда терапевт может разделять их отчаяние и показать им, что они тоже человеческие творения, часть мироздания с правом на осмысленное существование. Работа с психопатами требует от терапевта как большой терпимости, так и дарованной эросом способности быть не слишком озабоченным проблемами нравственности. Даже при наличии этих предпосылок мера

успеха остается ограниченной.

Намерение добиваться успеха или стремление к исцелению посредством установления контакта, или, выражаясь другими словами, инфляция аналитика представляет величайшую опасность в отношениях с психопатами. Здесь мы достигаем предела своей способности к исцелению, ведь столкновение с собственными ограничениями никогда не доставляет удовольствия. Нам хотелось бы верить, что мы можем помочь любому приходящему за помощью по любой причине. Нам хотелось бы верить в то, что ни один симптом, ни жалоба, ни затруднение не смогут устоять перед нашим талантом, нашей способностью и нашим пониманием. Здесь-то мы и попадаем в ловушку, оказываемся, как говорится, в безвыходном положении. В связи с тем, что психопаты понимают нашу слабость, нашу потребность помочь им вопреки здравому смыслу, они могут использовать нас, манипулировать нами до такой степени, что мы начинаем защищать их, писать для них рекомендательные письма и творить т. п. Если в такой ситуации зайти еще на один шаг глубже, мы начинаем относиться к психопатам так же, как относимся ко всем человеческим существам. Мы чувствуем к ним жалость и сострадание, приходят в действие фантазии спасителя, пробуждаются чувства материнства и отцовства. В то время как все это может быть искренним (по крайней мере, психопаты вступают в контакт с кем-то, кто смотрит им в глаза столь честно, сколь это возможно), подобный подход если и приносит им некое облегчение, то лишь на краткое мгновение.

В отношениях с компенсированными психопатами мы часто ошибаемся, воспринимая их жесткий, моралистический аттитюд как невротический, как следствие сверхразвитого суперэго, как выражение чрезвычайно ограничивающего сознания и как неспособность позволять себе радость и удовольствие. Для того чтобы несколько отдохнуть от результатов осознания тех ограничений, которые вынужден применять к себе маниакально нравственный индивид, попытаемся разобраться в его добросовестности. Мы часто выражаем мысли, подобные, например, такой: «Действительно ли тебе столь необходимо ежедневно начинать ужин точно в семь часов?» Или: «Что случится, если тебе не хочется готовить, или существует нечто такое, что ты бы делала с большим удовольствием? Ведь ты могла бы всегда поесть в восемь или даже в девять». Мы пытаемся несколько расслабить жесткие нравственные принципы домохозяйки, чтобы она хоть немного пожила для собственного удовольствия. Мы не осознаем того, что, когда уравнивающие элементы компенсированного психопата устраниваются, всей его системе грозит разрушение.

Другими словами, если домохозяйка перестанет готовить ужин ежедневно к семи часам вечера, вопреки любым обстоятельствам, она не сможет готовить его вообще; она не будет в состоянии делать вообще что-либо. Если пациент служит в банке, мы можем спросить его, почему бы ему не рас-слабить немного его маниакальную приверженность к исполнению своих обязанностей, после чего через неделю можем получить от него ни больше ни меньше как открытку из Рио-де-Жанейро, куда он сбежал с небольшим состоянием для продления отдыха.

Как терапевты, мы должны быть уверены в том, что мы делаем, прежде чем начнем разбираться со структурами компенсированных психопатов. В этом отношении мне кажется важным помнить, что одним из первостепенных симптомов психопатии является отсутствие развития. Когда мы имеем дело с психопатами, это значит, что с самого начала следует отказаться от всякой надежды на развитие или от любых ожиданий, которые у нас сложились, насчет некоего внутреннего развития самого пациента, которое сможет улучшить его положение. Скорее, нам следует попытаться помочь этому мужчине или этой женщине найти такую внешнюю ситуацию, в которой они могли бы стать относительно счастливыми, вопреки своей психопатической природе. Такое представление имеет решающее значение при лечении психопатических подростков. Девушке, зарабатывающей себе средства к существованию в качестве проститутки, вследствие ее психопатической природы, бессмысленно препятствовать заниматься своим делом, прививая ей социальные и нравственные ценности. Вместо того следует пытаться найти ей наилучший и наиболее безопасный способ оставаться проституткой, так чтобы от этого не страдали ни она, ни другие. Это вопрос поиска правильного окружения (если это вообще возможно) для определенного психопата. Можно воспользоваться историческим примером: викинги создавали специальные группы из особо агрессивных психопатов-берсерков (неистовых), использовавшихся в таких битвах, в которых «средние» воины не были способны пробиваться вперед. Разумеется, такое решение вопроса возможно только для особо агрессивных, мужественных психопатов, и оно неприменимо вообще для социально адаптированных индивидов.

В современном, относительно сложном обществе, должно быть, существует возможность найти такую служебную обязанность, которую психопаты могли бы исполнять во благо всего общества, не причиняя ему чрезмерных затруднений или вреда. Все мы склонны верить в то, что в нарождающейся социальной структуре, как например, во времена первопроходцев в Америке или первых поселенцев в Австралии,

психопаты могли конструктивно служить общим целям. Я серьезно сомневаюсь в том, что дело обстояло именно таким образом. Чем более примитивна и недоразвита социальная структура, тем большее количество эроса требуется от каждого индивида для надлежащего функционирования любого класса общества.

В течение долгих лет или даже десятилетий предпринимались попытки налаживать отношения с психопатами, помогать им и лечить их. Использовался каждый возможный метод: к ним относились и сурово, и с пониманием; их запирали в больницы для душевнобольных или уделяли повышенное внимание; терапевты старались отождествить себя с ними. Независимо от предпринимавшихся попыток, если верить литературе на эту тему, все они были заранее обречены на неудачу. Снова и снова возникал кто-либо, заявлявший, что нашел новый психологический метод подхода, который мог бы помочь таким индивидам, и постоянно оказывалось, что ничто не могло принести им хоть какую-то пользу. Были исследованы различные формы фармакологической терапии, также с весьма небольшой пользой или вообще без оной. Вопреки огромным затратам времени, усилий и неприятностям, конечный результат неизбежно приносил лишь разочарование.

Многие представители профессий из служб по оказанию помощи развили в себе некий вид терапевтического нигилизма, некое смирение и отчаяние в отношении психопатии. Существует некоторая опасность, заключающаяся в том, что терапевты и социальные работники, в первую очередь занимающиеся социальной адаптацией, могут принципиально прекратить работу именно с психопатами, так как те разумны, вызывают симпатию и обладают даже определенной привлекательностью. Случись так, что они время от времени испытывали бы разочарование при попытках помочь психопатическим клиентам, они могли бы начать задаваться вопросами, правильно ли выбрали свою профессию. Если социальные работники станут жертвами собственной веры в то, что психопаты — такие же человеческие существа, как любые другие (человеческие существа, которым можно оказать помощь и вылечить), они будут жестоко разочарованы, возможно, даже откажутся от своей профессии. При опознании психопата в клиенте или пациенте терапевтам важно суметь уклониться от слишком больших затрат времени и усилий на него/нее и расходовать эти усилия на те случаи, в которых они будут эффективными и полезными.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В ПОХВАЛУ НРАВСТВЕННОСТИ И ХОРОШИМ МАНЕРАМ

Мы мало знаем о причинах возникновения психопатии. Мы знаем точно, что определенные мозговые травмы могут приводить к состояниям, подобным психопатическим, такие наблюдения стимулировали значительные исследования органических причин заболевания. Неврологические обследования привели к открытию значительного количества аномалий в электроэнцефалограммах психопатов — к направлению исследований, которое иначе было бы признано бесполезным. Частично проблема состоит в том, что многие исследователи начинают работу, исходя из неверных предпосылок, полагая, что антиобщественное или криминальное поведение является признаком психопатии. Я не разделяю эту точку зрения, как, надеюсь, мне удалось достаточно ясно показать в этой книге. В связи с этими предпосылками группы индивидов, выбранных для исследований, редко включали значительные количества психопатов.

Кажется, психологическое исследование, кроме того, встретило равного по силам соперника в психопатии — факт, не являющийся особенно поразительным. Мы все еще пытаемся понять, как и почему определенные индивиды оказываются одаренными художниками, в то время как другие — талантливыми музыкантами, а третьи не умеют рисовать, и вообще им «медведь на ухо наступил». Мы действительно знаем, что человеческое существо может обладать многими талантами и способностями, но почему в одной и той же области знаний некоторые индивиды приближаются к уровню гениальности, в то время как другие оказываются болтающими всякий вздор идиотами — это находится за пределами нашего понимания.

В юнгианской психологии мы полагаем, что в нашей психической жизни решающее значение имеют архетипические силы, что различные архетипы воздействуют на нас и находят воплощения в наших жизнях. Наше поведение могут определить Афродита, богиня любви, или Гермес, коварный и мудрый торговец, или Арес, воинственный и задиристый, или одна из муз. Возможно, наши способности или их отсутствие имеют отношение к смыслу или бессмысленности, которые определенные архетипы имеют в нашей жизни. До сих пор мы не имеем представления о том, почему в большей степени один архетип и в меньшей степени другой констеллируются в определенных индивидах. Что касается сущности этого вопроса, мы не знаем, почему Эрос «пренебрегает» некоторыми индивидами, и почему существуют «эротические» инвалиды.

В первой главе я рассказывал об инвалидах; все мы каким-то образом, в чем-то являемся инвалидами. Инвалидность — классическая, типично человеческая ситуация,

приводящая к предположению о том, что должны существовать архетип инвалида и соответствующая архе-типическая реакция на инвалидность. Начав с рассмотрения инвалидности в общих чертах, я продвигался к наиболее серьезной форме этого явления — к инвалидности эроса. Каждый из нас имеет свои особые образы человечества, того, что представляет собой человеческое существо, и как мы относимся к таким созданиям. Эрос, рассматриваемый в широчайшем смысле этого понятия, играет решающую роль во всех этих образах. Некоторые исследователи настаивают на том, что человеческие существа рождаются как *tabula rasa* (чистый лист); что любовь — эрос — нечто такое, о чем мы узнаем от нашего окружения: «люблю, потому меня любят». Но независимо от того, каким путем Эрос появляется в жизни человека, способность любить — одна из определяющих характеристик нашего человечества. Большинство мировых религий связывают себя с эросом, с любовью в общем смысле, и поощряют любовь, требуют ее, преображают ее, описывают ее и т. д. и т. п. Одним из наиболее значимых догматов христианства является «Возлюби своего ближнего как самого себя», а один из псалмов провозглашает: «Бог есть любовь, говорю я снова, Бог есть любовь».

Психопатия сталкивает нас лицом к лицу с формой инвалидности, подвергающей опасности наш образ человечества, противопоставляющей нас индивидам, которые в экстремальных случаях проявляют себя не способными к любви. Следует признать, что такие экстремальные случаи, которых мы называем «чистыми» психопатами, встречаются довольно редко. По большей части психопатами оказываются индивиды, которые могут любить только до определенной степени, испытывая прикосновение Эроса лишь время от времени. Возможно, например, что они переживают эрос только в связи со своей коллекцией марок, но никогда такое переживание у них не связано с другими человеческими существами. Эрос для нас может прикасаться ко многим вещам или всего к нескольким; то, к чему он прикасается, расцветает, то, что он оставляет нетронутым, увядает. Случись, например, что он прикоснулся к вашим пожиткам, тогда все ваше внимание будет посвящено мебели, коврам и дому, в то время как тем, кто живет в этом доме, придется терпеть ваше пренебрежение. Или, возможно, основное ваше внимание станет уделяться противоположному. Некая женщина может обладать сильным чувством эроса, быть любящей и заботливой по отношению к своим детям, мужу, семье и друзьям, в то же время не проявляя никаких отношений к своему домашнему хозяйству, позволяя ему постепенно приходиться в упадок. Она — психопат во всем том, что имеет отношение к материальной собственности.

Психопатия вынуждает нас задавать такие шокирующие вопросы: «Как могло такое случиться, что множество людей не имеют того, что придает смысл самой жизни? Почему существуют люди, инвалидность которых относится к сфере чисто человеческих отношений? Почему некоторые люди вообще не имеют чувства эроса или оно свойственно им лишь до определенной степени?» Далее, в психопатии, по крайней мере, описываемой в этой работе, мы имеем дело с предельной формой инвалидности, со стандартом, относительно которого мы измеряем свою способность оценивания собственной инвалидности, а также инвалидности других. Мы можем, по крайней мере теоретически, отвергать ее, просто придерживаясь предположения, что не существует такого явления как психопатия и инвалидность. Мы можем говорить: «Разумеется, бывают такие, которые имеют ограниченную способность любить или вообще не имеют такой способности, но этому есть причины. Вероятно, что-то неправильное произошло в их жизни, их не любили родители, общество действовало на них подавляюще, режим питания не был сбалансированным в годы их роста, или, возможно, какая-нибудь инфекционная болезнь нарушила что-то в организме. В основном все же не должно существовать такое заболевание как психопатия!» Но она существует... и мы не знаем, почему.

Даже природа иногда оставляет психопатическое впечатление: жизнь в животном мире, жизни различных видов животных и растений, кажется, случаются под эгидой взаимного сосуществования, но не эроса. В скобках можно отметить, что отношение человечества к природе в течение нескольких последних столетий было явно психопатическим, без малейшей видимости эроса. До тех пор, пока существует природа, все мы будем немного психопатами.

Вследствие того, что мы вынуждены жить с нашей собственной психопатией и психопатией окружающих, существенным обстоятельством было бы пребывать, по крайней мере, в таком положении, чтобы распознавать ее как явление. Нам необходимо иметь способность осознания того, что от наших друзей или родственников, в которых эрос столь заметно отсутствует, которые столь явно проявляют себя психопатами, мы не можем ожидать буквально ничего. Мы должны пытаться изменить их (и наши собственные) жизни, сделать их более терпимыми, обуздывая их своими проповедями во имя любви и оставляя наши попытки изменить их в соответствии с нашими ожиданиями. Для тех, которые работают в службах помощи, важно сознавать, что некоторых из их клиентов изменить невозможно, что среди них есть такие, от которых нельзя ожидать улучшения, но которых можно улучшить только с помощью внешних

мер. Так же необходимо распознавать нашу собственную эротическую инвалидность, с которой мы постоянно сталкиваемся в течение своей ежедневной деятельности. Нам также не следует ожидать слишком многого и от самих себя. Если оказывается, что наша психопатия проявляется в неспособности любить тех, которые не входят непосредственно в круг нашей семьи, нам не следует расходовать свою энергию в попытках окружить себя более широким кругом друзей, вопреки столь модной болтовне о значимости межличностных отношений.

Мы всегда переживаем психопатические свойства других внутри узкого круга интимных, близких друзей. Вместо простого приятия этого явления, как мы, например, время от времени воспринимаем дождливую погоду, мы позволяем себе разочаровываться снова и снова; весьма похоже на тех взрослых, которые претендуют на тот же самый вид любовной заботы, которой их в детстве согревали родители. Человеческие существа таковы, какими они являются, они не соответствуют нашим желаниям.

Что может предложить нам этот наиболее сложный вид инвалидности из того, что имело бы психологическую значимость? Во-первых, она рассеивает любые иллюзии о Рае. Люди, кажется, склонны верить в то, что по истечении достаточно длительного времени мы сможем создать некое Шангри-ла, если только изменить наш строй, наше государственное устройство, наш подход к воспитанию или что-то другое. Таким образом, мы успешно возродим мир для счастливого, здорового существования. Психопатия, инвалидность эроса, отбрасывает нас назад в реальность, заставляет трезво оценить наивность своих представлений о гуманности и прогрессе, представление, оказавшее сильное влияние и на современную психологию. Мы не можем заклинать эрос появиться, как кролик из шляпы в цирковом фокусе. Это — факт из жизни. Но если он только покажется случайно, если вообще произойдет подобное, мы должны согласиться и на это. Полное отсутствие эроса или его частичная недостаточность делает нас смиренными, изгоняющими hubris (высокомерие) из своих надежд на райское существование. Мы постоянно сталкиваемся с «чудовищем» внутри нас и в нашем окружении. Весьма вероятно, что задача Эроса состоит в том, чтобы помочь нам признать собственную «чудовищность» и «чудовищность» других наряду с тем же качеством психопатов.

С нашей только что обретенной покорностью (мне хочется сказать, философской покорностью) мы возвращаемся к ценностям, которые издавна сами затапывали. Я говорю о нравственности в целом, как о ее индивидуальной разновидности, так и о

коллективной, даже как о сопутствующей правилам этикета и манерам. Там, где присутствует эрос, нет нужды ни в нравственности, ни в правилах поведения. Мы все соглашаемся с этой точкой зрения. Вследствие того, что большинство из нас редко переживает эрос непосредственно, а некоторые — вообще никогда, нам следует оценивать его смиренное посредничество — нравственность — более высоко, независимо от того, сколь жесткой и неприятной она может казаться. Легко подсмеиваться над ограничениями, односторонностью и относительностью нравственных сентенций, но совсем другое дело — жить, не соблюдая традиционных правил, независимо от того, насколько вознаграждающими они являются. Мы должны испытывать чувства благодарности к костылю нравственности. Без него жизнь была бы адом для большинства из нас; мы были бы волками в человеческом обличье. Мы также должны быть благодарными за тот аспект нравственности, который называем хорошими манерами. Мы не всегда можем быть добрыми и нравственными по отношению к окружающим. Мы все — инвалиды во всем, что касается Эроса, это то обстоятельство, к которому нам следует приспособляться. Соблюдение традиционных правил поведения позволяет нам, по крайней мере, намекать на присутствие Эроса или вести себя таким образом, чтобы другие могли верить в его присутствие. Разумеется, когда меня представляют кому-нибудь, и я говорю «Мне приятно познакомиться с вами», это лишь традиционная риторическая форма. Однако то, что она подразумевает, — это то, что в присутствии Эроса я действительно был бы счастлив по поводу такого нового знакомства. Это — некий костыль, позволяющий мне казаться «эротическим», даже если сам Эрос отсутствует в данное время.

Порицать хорошие манеры и нравственность как лицемерные — равносильно тому, что сказать, например, о женщине, потерявшей ногу, что она лицемерна, так как ходит на протезе. Истинно, женщина только с одной ногой имеет лишь одну ногу, и, быть может, было бы честнее с ее стороны, как говорится, скакать на одной ноге, которая у нее есть. С другой стороны, ее искусственная конечность облегчает ей движения и может даже создать впечатление у тех, с кем она знакомится, что у нее полноценны обе ноги. Как говорится, лучшее — враг хорошего. Действительно, было бы лучше, если бы все наши поступки руководствовались любовью, но так как этого никогда не случится, любые нападки на нравственность и хорошие манеры представляют опасность. Разрушь их, и все мы останемся не с любовью, а, скорее, с зияющей пустотой. Мы можем быть неспособными выиграть битву с болезнью, но можем завоевать чувство наших собственных ограничений, нашего собственного смирения. А потому в этом настроении

и вследствие моей собственной, нашей собственной «чуждости» я могу смиренно провозгласить:

«Да здравствует нравственность!»